

ДМИТРИЙ И ТАТЬЯНА
ЗИМИНЫ

БОГ ИГРАЕТ В КОСТИ

Бог играет со вселенной
или вселенная играет с Богом?

16+

Татьяна и Дмитрий Зимины

Бог играет в кости

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Зимины Т.

Бог играет в кости / Т. Зимины — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В нашем мире человеку все труднее быть невидимкой. Несколько лет у меня это прекрасно получалось, но необъяснимым образом меня опять нашли. Ведь современные технологии неотличимы от магии. А цифровой след остается всегда. Бежать или драться? Орел или решка? Я выбираю третий вариант. Ведь вероятность того, что монетка встанет ребром, существует. Здравствуйте! Меня зовут Алекс Мерфи и у меня есть проблема. Я чудесник. И я знаю, как сделать невероятное возможным.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	22
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	29
Глава 9	31
Глава 10	35
Глава 11	38
Глава 12	42
Глава 13	45
Глава 14	50
Глава 15	53
Глава 16	58
Глава 17	62
Глава 18	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Глава 1

АЛЕКС МЕРФИ. Москва.

Спецслужбы всегда проявляли ко мне интерес. И дома, в Америке, и в Ираке, куда я сбежал от ФБР, а теперь еще и в России...

Лубянка не отличалась от других подобных мест: те же блеклые обои, тот же запах растворимого кофе, потных подмышек и канцелярского клея. За столом – одетый в цивильное господин: Илья Романович Воронцов. Жесткое лицо, светлые, по-военному стриженные волосы, цепкий взгляд.

Интересно было бы встретиться с ним в «клетке»...

– Что вы на это скажете, мистер Мерфи?

– Ума не приложу. Я – преподаватель английской поэзии.

– Да ну? А как же ваше ночное хобби?

Черт... Откуда он знает? Ладно, это сейчас не важно.

– В университете до смешного маленькие зарплаты...

– И для учителей обычное дело подрабатывать боями без правил?

– Послушайте, я знаю, что это незаконно. Виноват, готов понести наказание... Штраф?

– Вы до сих пор не поняли, или дурочку валяете, мистер Мерфи? На вас поступил запрос из Интерпола! Какой, к свиням собачьим, штраф?

– Да объясните толком, в чем меня обвиняют? Это же бред какой-то...

Русский Сэм Спэйд нравился мне всё меньше.

– Вы служили в Ираке.

– Половина американских парней служит в Ираке.

– Многих вербуют террористы.

– Вы что же, думаете, я террорист?

– Не я. Но заокеанские коллеги – думают. И мне очень интересно, правда ли это.

– Конечно неправда!

– Вчера вы пытались достать новый паспорт и билет до Нью-Йорка. Почуяли, что запахло жареным?

Интересно... Прослушивали телефон, или Джафар сдал?

– Это... Совсем другое. Это совпадение.

– И зачем же вам так срочно понадобилось на родину?

– Не ваше дело.

...Он меня разозлил. Обвинение в терроризме! Получше ничего не могли придумать? Перебрал в памяти знакомых, прикидывая, кто мог знать обо мне и рассказать контрразведчикам... Да нет, чего это я? Здесь, в России – точно никто. А если... Если это весточка из прошлой жизни?

Воронцов встал, потянулся, отведя одну руку – правой рукой, как я заметил, он старался не шевелить. Подошел к окну... Ничего там, за окном, не было, кроме тухлого серого утра.

– Нам известно о вас всё! – заявил он не оборачиваясь. – За океаном вас «ждут» с распростертыми объятиями.

– Вы заблуждаетесь! Я... – он резко развернулся, и бросился на меня, как тигр. Навис, сощурил хищные глаза и процедил.

– Я очень редко заблуждаюсь, мистер Мерфи, – я невольно вздрогнул. Он заметил... – И еще реже ошибаюсь. Я чувствую, что с вами что-то не так, и мне чертовски хочется понять, что именно. Но если не выйдет, я не моргнув глазом отправлю вас за решетку! Терроризм – это так же безнадежно, как дорога на кладбище. Даже если вы не виновны... Мы, конечно, проведем независимое расследование, соберем улики... Затем, возможно, суд... Это может занять около двух лет. Так что думайте, мистер Мерфи.

Интересно, чего от меня хотят? Завербовать? Ну какой из меня агент... Я же ничего не понимаю в политике. Никаких особенных тайн не знаю... Может, таким образом они хотят добраться до отца? А время уходит. Если я не успею на бой, Джафар этого не простит...

И отец. Если я не приеду... Представляю, чего ему стоило пересилить себя и позвонить.

– Здравствуй, сын.

– Папа?

– Ну разумеется. Приятно, что узнал.

– Что-то случилось? – мы не разговаривали два года...

– Твоя мать... Она умерла.

– ???

– Ты меня слышишь?

– Как... Как это случилось?

– Обстоятельства выясняются. Похороны – через два дня. Ты должен приехать.

Он говорил скупно, будто каждое слово стоило денег. Так отец реагировал на несчастья: замыкался в себе и делал вид, что ничего особенного не случилось.

– Я... – никак не удавалось собраться с мыслями. – Ты же знаешь, я не могу.

– Она твоя мать.

– Да. Но... Ты же знаешь, в Нью-Йорке...

– Я всё улажу, тебя никто не тронет. Ты должен быть здесь как можно скорее! Вылетай ближайшим рейсом, – и он повесил трубку.

Я горько усмехнулся. Понадобилось несчастье *такого* масштаба, чтобы отец решился использовать свои связи для решения моих проблем... Сев на диван, я застыл.

Мамы больше нет. Это... Это так странно.

Вспомнил, как она улыбалась, когда мы виделись в последний раз. Шурила глаза – и к вискам тянулись тонкие лучики морщинок... Она спешила в университет: черная шляпа, клетчатая юбка, узкий жакет. Со спины можно принять за студентку... Шуршали пестрые листья кленов, из кофейни напротив пахло выпечкой... Не помню, о чем мы говорили. Коротко обнялись, она чмокнула меня в щеку, и я пожалел, что не побрился.

Закрыв глаза, и сразу вспомнились те самые коричневые булочки из кофейни. Подрумяненные бока, сырный крем стекает каплями на тарелку... И легкий, едва уловимый аромат цветущей сливы. Мамины духи.

Горло перехватило. Спрятав лицо в ладонях, я застыл, стараясь не заплакать. Отец прав. Я должен попасть на похороны...

Взял телефон.

– Джафар! Я готов драться.

– Ай, дарагой, молодец! Не пожалеешь!

– На этот раз мне не нужны деньги. Сможешь достать новые документы и билет до Нью-Йорка?

– Хочешь сбежать?

– Я вернусь.

– Ты же знаешь, родной, если что – мы тебя и в Америке найдем...

– У тебя когда-нибудь был повод сомневаться?

Он молчит около минуты, я терпеливо жду.

– Бой сегодня ночью.

– Сразу после мне нужны документы и билет.

Еще одна пауза. Джафар что-то спрашивает в сторону, по-чеченски.

– Сделаю.

Отпуск в универе, сбережения со счета... Собирался вернуться, максимум, через неделю.

Когда надевал куртку, в дверь позвонили. Джафар послал проследить, чтобы я не передумал? Почему-то ему очень важен именно этот бой... Я задумчиво посмотрел на пожарную лестницу, что вела на балкон верхней квартиры. Там маленькие дети, собака, канарейка... А тут – я...

Открыл. Незнакомые, прилично одетые люди.

– Алекс Мерфи? – я кивнул и поправил очки. – Вы должны пойти с нами.

– С кем имею честь?

– Федеральная служба безопасности.

– Вы... хотите, чтобы я работал на вас?

Воронцов скептически оглядел меня с ног до головы.

– Пока я не знаю, что вы за фрукт? Увольте. Но если вы меня убедите... Я мог бы вам помочь.

Я не выдержал и расхохотался. Ничего не мог с собой поделаться.

– Мне не нужна ничья помощь! – нет, не выходить из себя... Всё еще можно уладить.

– Кстати, примите соболезнования... – он тускло смотрел в стену, поверх моего плеча.

Я перестал смеяться.

– Что?

– Вы же понимаете, мы наводили справки. Мы знаем, что недавно ваша мать покончила с собой.

В глазах потемнело.

– Мистер Мерфи... Вам плохо? стакан воды? Мистер Мерфи?

Голос шел издали, почти не задевая сознания. Меня трясло за плечи, кажется, били по щекам...

...как на ринге, когда пропустишь хук в челюсть. Вспышка, а затем – шум, звон... Нокаут.

– Что... вы сказали?
– Подробности сообщили сегодня утром. Ваша мать...
– Вы сказали – самоубийство. Этого не может быть.
– У нас есть запись с камер. Она ехала по мосту... неожиданно газанула, свернула к ограждению и... пробив его, рухнула в воду. Была хорошая погода, ничего не предвещало аварии...

Дальше я не слушал. На окне решетка: прутья приварены к раме. Дверь? Прочная, быстро не открыть... Но другого выхода нет. Если я брошусь на Воронцова, он, чего доброго, начнет стрелять. Я просто не успею ничего сделать.

– Я бы не отказался от стакана воды, – Воронцов кивнул, взглянул на пыльный, с захватанными боками графин. Тот был пуст, на дне его кверху лапками лежали мертвые мухи.
– Одну минуту... – он нажал кнопку интеркома. Я «щелкнул».

Вошел конвойный: толстый, с мятой мордой и запахом перегара. Он неуверенно держал пластиковый стаканчик, в котором подрагивало озерцо воды.

– Поставьте на стол. – Воронцов поморщился.
– Есть поставить на стол...

Дядька делает пару шагов, и, когда входит в зону досягаемости, я бью его что есть силы в брюхо. Затем срываю столешницу и запускаю в Воронцова, стараясь, чтобы удар пришелся на правое плечо... Конвойный хрипит и, закатывая глаза, валится на пол. Сверху рушится Воронцов. У меня десять – пятнадцать секунд...

Быстро в коридор, налево – приоткрытая дверь. Подсобка! Серый халат, сальная кепка, щетка, швабра, ведро...

– Любезнейший... Вы куда направляетесь? Где пропуск? – голос не подозрительный, просто любопытный, даже ленивый.

Неловко поворачиваюсь, смахивая с ближайшего стола кипу бумаг. Шваброй заблокировать проход... Чье-то табельное оружие на краю стола – вопиющее нарушение! Задеваю пистолет, он падает на пол, раздается громкий выстрел. И незаряженное ружье раз в год стреляет...

Все пригнулись, накрыв головы руками.

...Еще один коридор, узкая темная лестница, пахнет сухой пылью и кошками. Сзади – крики. Халат, кепку – в ведро, ведро – за угол. Пригладил волосы, потер лицо, меняя выражение. Деловая сосредоточенность.

Толкаю дверь. Вокруг – люди, но на меня пока никто не смотрит. Неторопливо иду к выходу... Упс. Об этом я не подумал. Дверь охраняют автоматчики. Черт. Придется снова «щелкать»... Сворачиваю в первый попавшийся коридор.

Пустой кабинет: красный ковер, длинный, как дорожка для игры в боулинг, стол, на нем – череда серебряных подносов с хрустальными графинами и фужерами. Хватаю ближайший и пью большими глотками, затхлая вода течет на грудь...

Распахиваю тяжелые портьеры, во все стороны летят клубы пыли, пропитанные застарелым табачным дымом. Решетка. «Щелкаю» и внимательно осматриваю раму: должно быть что-то! Моя удача должна сработать!

Открываю окно и, крепко взявшись обеими руками, трясущ решетку. Вот! Вот оно... В углу бетон раскрошился и железный штырь почти вылез из стены. Я вскочил на широкий подоконник и несколько раз пнул по раме. Полетели осколки кирпичей и бетонная крошка, штырь выскочил. Отжав решетку, я, обдирая бока и пуговицы с рубашки, протиснулся в щель и прыгнул на улицу.

Морозный воздух обжег лицо, глаза ослепило полуденное солнце. От утренней серости не осталось и следа...

В прозрачном небе – белый след самолета.

...Осторожно обогнув здание Лубянки, ныряю в Театральный проезд и бегу вдоль Метрополя. Ветер свистит в ушах, ноги в ботинках без шнурков скользят по наледи... Цепляюсь за прохожего, чтобы не упасть, он испуганно взмахивает руками. Лицо немеет, рубашка становится твердой там, где пролилась вода... С каждым вдохом чувствую, как разрастается в груди огненный ком. Главное – не останавливаться.

Визг тормозов, гудки, крики.

...В метро, на вокзалы, нельзя: везде камеры. Сейчас, сию минуту, они нацелены на меня. Я – бактерия под увеличительным стеклом, одно неверное движение, и – конец. Как не хватает сейчас дайсов! Без них я как скрипач-виртуоз, вынужденный играть на балалайке...

Снова визг тормозов, толчок... Пялюсь в лобовое стекло «Мерседеса»: перед глазами прыгает пара пушистых розовых игральных костей... Черт. Настолько близко к краю я не подходил давно. Пушистые кубики.

Ладно, забудем про дайсы... Я просто должен успеть на похороны. Больше – ничего. Только попрощаться с мамой. Обратка от моих сегодняшних выкрутасов будет страшная, но это – позже. Главное сейчас – успеть.

Впереди – Большой театр. Ну что ж... Будет вам представление. Чувствую – догоняют, скоро возьмут в кольцо...

Бегом через площадь, на ходу оглядываю заполненное людьми пространство, затем крышу...

Всякий раз, проходя по этой площади, я смотрел на «Колесницу Аполлона» и гадал: а что будет, если...

Как молния, несусь сквозь толпу на площади, крича во весь голос:
– Посторонись! Разойдись! – не хватало еще угробить кучу народу.
– Сумасшедший... – несется вслед, но люди разбегаются. Я «щелкаю».

Над головой раздается треск, похожий на выстрел. Колонны, поддерживающие портик, вздрагивают, сверху сыплется каменная крошка. В небо взмывают полчища голубей. Толпа задирает головы, все кричат, показывают пальцами...

Статуя кренится с таким звуком, будто лопаются стальные тросы. Исполинский лошади нависают над толпой. Кажется, могучие животные судорожно бьют копытами, пытаясь удержаться, но это им, чугунным, не под силу...

Под вопли ужаса квадрага рушится на мраморные ступени, грохот, пыль, каменная крошка... Но публика быстро оправилась от шока: все достали телефоны, стремясь запечатлеть катастрофу...

Погоня отстала.

Быстрым шагом иду в сторону Белорусского вокзала. Они не предполагают, что я буду двигаться пешком – это ведь долго, утомительно... Холодно. Будут следить за станциями метро, допрашивать таксистов. Будут просматривать записи с уличных камер... Но я смогу. Я прорвусь, несмотря ни на что. Я должен попрощаться с мамой.

Глава 2

ДЖОН ТРАСК, ЛОНДОН.

- ...Так вы собираетесь взорвать планету, мистер Траск?
- Я бы не стал это так называть...
- Простите, Джон, но вы хотите отправить ядерные боеголовки на Марс! Как это еще можно называть?
- Это программа терраформирования...
- Стоп, стоп! Не надо таких длинных слов, Джон. Зрители подумают, что вы хотите нас запутать, – смешок в камеру. – Давайте разберемся: вы отправляете ядерные ракеты на ближайшую к Земле планету... Марс ведь может взорваться, не так ли? К нам устремится множество обломков! Вы помните, почему вымерли динозавры, Джон? Хотите устроить новый Ледниковый период?
- Да нет, вы всё неправильно поняли...
- А я думаю, мы со зрителями прекрасно всё поняли! – очередная щербатая улыбка в камеру. – Известный миллиардер, владелец крупнейших компаний по производству космических кораблей и военной техники Джон Траск заявляет, что хочет взорвать Марс ядерными боеголовками!

Вырвавшись из студии, Траск поспешил спрятаться в лимузине. Он никак не мог успокоиться. Перед глазами мелькали красные круги, дыхание прерывалось, руки судорожно сжимались в кулаки. Пнув несколько раз дверцу автомобиля, он перевел дух и в сотый раз проклял ведущего.

Предполагалось, что это будет милая беседа, во время которой он, Джон Траск, снисходительно объяснит публике, что для неё – благо... Но этот проходимец – ведущий переврал все его слова, представив великий проект освоения Марса аферой, не заслуживающей доверия!

«Деятельность Джона Траска, известного филантропа, ведет мир к счастью и процветанию. Земля на грани гибели, но предложенная им программа выхода из общемирового кризиса может дать надежду на светлое будущее.

Проект терраформирования Марса, добыча полезных ископаемых на Луне, постройка обитаемых модулей на орбите – цели, к которым должно стремиться всё человечество. Эти смелые начинания дадут миллионы рабочих мест, обеспечат образование тысячам детей...» – вот что должно было прозвучать с телеэкранов!

...В конце он бы скромно дал понять, что не нуждается в дифирамбах. А вместо этого его облили помоями! Просто окунули в дерьмо, заставив оправдываться, как школьника, плохо выучившего урок! Даже думать больше об этом не хочется...

Он нажал кнопку коммуникатора.

- Андрэ!
 - Слушаю, сэр.
 - Как зовут ублюдка, что вел программу?
 - Джонатан Вульф, сэр. Это...
 - Не важно! Позаботься о том, чтобы он никогда больше не нашел работу.
 - Да, сэр.
- Траск коротко вздохнул.

- Едем к мисс Каталиадис. Нужен букет, она, как ты помнишь, любит розы.
- Сэр? Смею напомнить, ваш самолет готов. Пилоты ждут, полетный план утвержден...
- Я хочу видеть её прямо сейчас!
- Да хозяин. Уже поворачиваем. Предупредить мисс Каталиадис о вашем визите?
- Не надо.

Траск старался без надобности не грубить подчиненным. Каждый раз, когда приходилось резче, чем обычно, говорить с людьми, он вспоминал слова мамы:

«Чем ниже социальный статус слуг, тем вежливее ты должен быть, Джон. Так всегда поступают настоящие аристократы»...

Он с нежностью подумал о матери. Уж было совсем собрался позвонить, но решил все же повременить. Сейчас лучше сосредоточиться на мисс Каталиадис. Стоило только представить, как ее лицо расцветет счастливой улыбкой... Он не может больше ждать!

Поднимаясь в лифте на самый верхний этаж Ритца, Траск оглядел свое отражение в зеркале: волосы лежат безупречно, небесно-голубая рубашка подчеркивает цвет глаз, галстук... Сорвав галстук, бросил его на пол. Расстегнул верхнюю пуговицу. К черту формальности! Он будет смелым, он будет остроумным и фантастически привлекательным, и наконец, получит долгожданный приз!

Выйдя из лифта в холл апартаментов, Траск в последний раз проверил, не торчит ли вихор на макушке, и, обогнув букет в напольной вазе, шагнул в гостиную.

Деметра Каталиадис стояла у окна, мягкий свет обрисовывал безупречную фигуру в деловом платье. Роскошные волосы не струились по плечам, как нравилось Траску, а были убраны в строгую прическу. Услышав шаги, она повернулась.

- Джон? Вы сказали, что летите в Нью-Йорк!
- Вот, захотел вас увидеть, перед отъездом...

Подойдя к девушке, он выжидающе приподнялся на цыпочки. После секундного колебания Деметра наклонилась, позволяя поцеловать себя в щеку.

– Я опаздываю на заседание комитета по образованию, так что... – она нетерпеливо посмотрела на дверь.

Траск про себя улыбнулся. Сейчас эта гордячка позабудет о своих комитетах!

Поймав руки девушки, он подвел ее к дивану и, слегка нажав, усадил. Терпеть не мог заглядывать в глаза собеседнику снизу вверх...

Мысли лихорадочно металась. С чего начать? Сразу – с места в карьер, или взять паузу и отвлечь её внимание посторонним разговором? Деметра бросила еще один нетерпеливый взгляд на дверь, затем на часы, и, еле заметно вздохнув, вымученно улыбнулась.

- Итак, Джон, что вы хотите мне сказать?

Они познакомились на регате: Деметра управляла одноместной яхтой. Смелая девушка! Настоящая леди – как раз такая, какую бы одобрила мама. Траск сразу решил, что она должна стать венцом, самым драгоценным приобретением в его коллекции красавиц... Разумеется, после свадьбы ни о каких спортивных подвигах и речи быть не может!

Деметра ждала, присев на самый краешек дивана. Траск было примостился рядом, но снова встал. Так он мог смотреть в глаза девушке, не задирая голову. Бросив взгляд на её изящные ступни, обутые в модельные лодочки на высоченных шпильках, мысленно сделал пометку отучить будущую жену носить такую безвкусную обувь...

– Дорогая! – он снова проверил, не торчит ли вихор. – Мы знакомы уже несколько месяцев, и мне кажется, настала пора скрепить наши отношения.

Деметра смотрела с легким удивлением, чуть приподняв безупречные брови.

– О! Простите! – Траск полез в карман за кольцом.

Открыв коробочку, он выставил перед собой драгоценность, как щит. Настоящее произведение искусства, он заказал его у самого известного ювелира Лондона в тот самый день, когда решил жениться...

Деметра несколько секунд смотрела на бриллиант, затем перевела взгляд на Траска и сложила руки на груди.

Через несколько секунд он будто очнулся:

– Дорогая! Я понимаю ваше недоумение! Я собирался организовать грандиозное шоу, и поверьте, никто бы не обвинил Джона Траска в недостатке романтики... Но я не мог больше ждать! – в его голосе прорезались капризные нотки. – Мое нетерпение можно простить, согласитесь...

– Но Джон! Я не собираюсь выходить за вас замуж!

Траск онемел. Сотни самых красивых девушек, – известных кинозвезд, моделей мировых подиумов, – мечтали написать на своей визитной карточке «Миссис Траск»! Он видел это в их глазах, в их позах, в том, как благоговейно они прикасались к его рукаву на светских приемах... Он же, черт возьми, мультимиллиардер! Старый добрый Джонни, король вечеринок Майами-бич!

Траск вспомнил пресс-релиз с объявлением о помолвке, который приказал разослать перед тем, как отправиться к Деметре... Он закрыл глаза и сделал глубокий вздох. Нет. Этого не может быть.

– Дорогая! Вы что, шутите?

– Вовсе нет! – девушка была совершенно искренна в своем замешательстве.

Траск сверлил Деметру взглядом, подступив почти вплотную. Наконец-то он смотрел на неё сверху вниз!

– А что же? Почему вы просто не ответите «Да»? – такой момент упущен! Отбросив коробку с кольцом, он сунул руки в карманы брюк. Происходящее повергало его в жуткое недоумение. – Как вы можете не согласиться? Вы что, сумасшедшая?

Деметра пожала плечами:

– Ну... Во первых, я уже помолвлена.

У Траска потемнело в глазах, дыхание перехватило. Вонзив ногти в ладони, он сжимал кулаки, пока не почувствовал, что выступила кровь.

– Что... вы сказали? – переспросил он.

– У меня есть жених! Вас это удивляет? И потом... Даже не знаю, как подчеркнуть всю важность того, что хочу сказать... – она пристально посмотрела Траску в глаза: – *Я не хочу выходить за вас замуж, Джон.*

Встав с дивана, девушка осторожно обогнула стоящего столбом Траска, и отступила к окну. Повернувшись к нему спиной, какое-то время глядела в окно, постукивая носком туфли по ковру, затем нетерпеливо обернулась, всплеснула руками и воскликнула:

– Да с чего вы взяли, что я должна пойти за вас замуж?

Траск взял себя в руки и приготовился к битве.

– Вы охотно находились в моем обществе. Принимали ухаживания, подарки, оставались со мной наедине...

– У вас, англичан, слишком архаичные представления об отношениях! Может, после свадьбы вы потребуете доказательства моей девственности?

– Это будет совсем не лишним! – прорычал он. – Подумать только! Жених... Кто это? Какой-нибудь проходимец, зарящийся на состояние вашего папочки? Вы об этом подумали? – он нервно заходил вдоль дивана. – Нам, сильным мира сего, стоит держаться друг друга! Только мы, те, кто находится на вершине социальной лестницы, можем основать новую расу строгих, но справедливых правителей...

– Джон, что вы несете? – Деметра смотрела на него с брезгливым удивлением.

Траск понял, что несколько увлекся. После свадьбы, – грандиозного события, не оставившего равнодушным никого в мире, – он должен был посвятить её в свой План...

– Послушайте, Джон... – сделав над собой усилие, она взяла Траска за руку. – Давайте не будем ссориться. Произошло небольшое недоразумение. Я же, в конце концов, никогда не давала повода думать...

– Да чего тут думать! – Траск взорвался. – Вы должны бросить этого негодяя прямо сейчас и точка! Может быть, я смогу вас когда-нибудь простить...

Деметра отступила.

– Мистер Траск! Вы... Переходите все границы. – глаза девушки сверкали. – Запомните: я никогда не выйду за вас! Скорее небо рухнет на землю... Уходите. У меня очень мало времени. – и она отвернулась, давая понять, что разговор окончен.

Ничего не видя, Траск побрел к выходу. Наткнулся на вазу, опрокинул, и принялся топтать цветы, размазывая влажную зелень по белоснежному ковру. Пожалел, что дверь лифта нельзя изо всех сил хлопнуть...

Она одумается, иначе и быть не может! На коленях приползет. Заносчивая стерва... Английский аристократ делает предложение греческой полукровке, а та нос воротит! Он вынудит Деметру пожалеть, чего бы это не стоило!

Спрятавшись в прохладном чреве лимузина, Траск затих. Могло показаться, что он спит, если б не руки. Они были похожи на бледных зверьков, выглянувших из норок-рукавов. Перебирая пальцами – лапками, покрытыми рыжим пушком, они суетливо бегали по невидимой клавиатуре...

Через некоторое время Траск успокоился, открыл глаза и сел прямо. Выглянул было в окно, но тут же задернул черную шторку. Пусть будет темно. Нажал кнопку коммуникатора:

– Андрэ! Ты знал, что у мисс Каталиадис есть жених? – помощник не отвечал. – Как так получилось, Андрэ, что я выставил себя дураком? Почему ты позволил мне так опозориться?

Траск снова начал задыхаться, в висках застучала кровь. Он накажет Деметру за это унижение. Не забытое, но тщательно скрываемое чувство, что постоянно владело им в школе и колледже...

Она смотрела на него, как те детки, что разъезжали на личных авто с шоферами, когда ему нужно было добираться на автобусе, через весь Лондон... Так же, как те девчонки, про которых другие парни рассказывали, что они доступны буквально любому. Но не ему...

За широко расставленные, немного выпученные глаза и небольшой рост в колледже Траска прозвали Лягушонком, придавая прозвищу налет снисходительности и брезгливости. Натали Эшвуд как-то заявила, что не поцелует его, даже если он превратится в принца...

Она была первой. Траск тщательно припомнил чувство превосходства, что овладело им, когда лживая сучка Натали наконец сдалась...

Воспоминания о триумфе подбодрили, дав возможность планировать, не задыхаясь от злости.

– Андрэ!

– Да, хозяин.

– Запускай Удильщика. Пусть найдет всё о женихе Деметры: чем занимается, где обедает, какое белье носит... Всё! И еще... Старик Каталиадис. Акции, капитал – до последнего пенни. Любовницы, внебрачные дети, мутные делишки... Их просто не может не быть, уж я-то знаю! Как можно быстрее!

– Я мог бы поработать сам...

– Нет! Пусть этим займется Удильщик, у него получится лучше.

– Как скажете, хозяин.

Предвкушение мести успокоило окончательно. Теперь можно лететь. Кстати! В самолете ждут особенные бортпроводницы... Повеселев, Траск потянулся к бару и достал пакетик солевых орешков. Зашуршал упаковкой, осыпая солью рубашку, брюки и коврик под ногами, и на время выбросил Деметру из головы.

Глава 3

ИЛЬЯ ВОРОНЦОВ, МОСКВА.

...Таким сказочным идиотом я не чувствовал себя никогда. Мерфи выскочил за дверь и... исчез. Испарился, как Гудини из стеклянного бака. Утек сквозь пальцы.

Пока я ворочался на полу, как перевернутая черепаха, стараясь переждать боль в плече... Сцепив зубы, чтобы не заорать, не завывать в голос... Чуть не околочился, ей богу. Два года прошло, а она все болит. Доктора говорят – невроз. В гробу я видал такие неврозы... Лежал, потел, как мышь, и никак не мог подняться на ноги...

Рядом хрипел конвойный. Лицо у него было багровое, как при апоплексическом ударе. Пока вызвал к нему помощь...

Секунды уходили, я представлял, как Мерфи бежит к выходу, как дежурные вскидывают автоматы...

И в самом деле выстрел! Правда, из табельного...

...Открытое окно обнаружили быстро. Как он угадал, что именно здесь разболтался штырь? Повезло? Не мог же Мерфи знать об этом заранее?

Пока организовали погоню...

А потом – это дикое, невозможное в природе падение статуи с крыши Большого. Специалисты сказали – давний дефект, неравномерное распределение массы...

Мерфи ушел легко и красиво, как колобок от глупого зайца. На вид – модный мальчик: тесный пиджачок, очки, галстук-бабочка... Учитель. Английская поэзия, мать ее за ногу! Когда меня предупредили, что парень дерется в боях без правил – не поверил. Днем читать Шекспира восторженным барышням, а ночью – ломать ребра и отрывать уши? Даже когда он не очень правдоподобно смутился – не поверил. Не смог. Наручников не надел.

И только увидев профессиональный удар... Я – идиот. Сказочный. Привык иметь дело с отечественными уркаганами, для которых понты – это всё. Они ж без татухи на груди и пяти золотых перстней себя голыми чувствуют. А ведь внешность обманчива, это все знают. Только забывают порой...

– Илья Романович, можно к тебе?

Я вскочил, по привычке вытянулся во фрунт, но тут же опомнился.

– Разумеется, Константин Петрович. Милости просим.

– Что, чувствуешь себя идиотом?

– Не то слово. Повеситься бы...

– Ты это брось. Лучше коньяку выпей.

Я удивился. Чтобы шеф предлагал выпить прямо на рабочем месте?

– Не переживай, Илья. Просто ты еще не привык. У тебя на войне как было? Или свой – или чужой. У нас всё гораздо заковыристей, – Кремлёв уселся в гостевое кресло, я рухнул в свое. – Убивают не в пример реже, но... – он развел руками и многозначительно поднял брови.

– Да я всё понимаю, Константин Петрович. Простите. Больше не повторится.

Он фыркнул, как сенбернар. Несколько мгновений сверлил меня взглядом, затем снова вздохнул и бросил на стол папку.

– Ему уже успели кличку дать: Фокусник, – произнес шеф, глядя в сторону.

– Я тоже вспомнил о Гудини. Как он мастерски исчез...

- Ребята божатся, что это он снес статую.
- Чертовщина какая-то!
- Вот именно, – Кремлев многозначительно кивнул. – В моем городе никто не должен бросаться статуями! Это вандализм, в конце концов. Памятником культуры...
- Константин Петрович! Вы что, тоже верите, что...
- А ты почитай, – он кивнул на папку. – Заокеанские коллеги там много чего настрочили. Чертовщина, как ты только что правильно заметил.
- Я насторожился.
- И что, они вот так, за здорово живешь, делятся информацией?
- Хотели впечатлить, я так себе думаю, – Кремлёв пожал плечами. – Мол, видите, какой сложный случай. Не справитесь...
- А может, наоборот, подначить? Типа, на «слабо»?
- Кто их разберет? Чужая душа – потемки... Но только сдается мне, сильно их этот парень допек. У него, между прочим, папаша – конгрессмен. Мордехай Мерфи...
- Ну и что?
- Эх ты, военная косточка... Ничего в политике не разумеешь.
- Я пожал плечами. А чего тут разумать? Может, ФБР нужен сын, чтобы шантажировать отца, например... Всякое в жизни бывает.
- Парень решил скорее нажить неприятности с нами, чем попасть к ним. У него мать умерла. Узнав, что она покончила с собой, он того... сбрендил. Сорвался.
- Вот именно. Теперь ищи его, свищи... – Шеф задумчиво постучал по пластиковому боку папки, поджал губы, посопел...
- Ну... тебе и карты в руки! – как-то не к месту закончил он, и поднялся.
- В смысле?
- Займись им. Найди, убеди поговорить. Рассказать...
- А может, он серийный убийца? Маньяк? Что он у нас в России забыл? – Кремлев снова фыркнул.
- Давай, рой землю. Очень хочется послушать, как он своротил эту статую...

АЛЕКС МЕРФИ

Как был, в одной рубашке и ботинках без шнурков, я бежал сквозь солнечный морозный день, сквозь порывы секущего ветра и вонь выхлопных газов. Горло нестерпимо жгло, глаза слезились. К тому же, несколько раз упав, в кровь рассадил руки и колени...

Подземный переход. Вниз, по обледеневшим ступенькам... Ноги скользят, ладонь прилипает к железному поручню.

Без «щелчка» не обойтись, что бы не говорила моя хромая удача. Если подумать... Когда это началось? Не сегодня, это точно. Месяц назад я впервые проиграл бой. Нокаут, и всего на третьей минуте... На скуле – синяк, губа разбита. Как появиться в универе? Надо было позвонить, сказать больным... Так нет же, поперся на лекции! Я же – законопослушный иностранец, не шелупонь какая-нибудь... Студентки просто обезумели:

- Что стряслось, мистер Мерфи?
- С лестницы упал, вот незадача!
- Ах, мистер Мерфи! Разрешите за вами поухаживать!
- Милые барышни, видели бы вы меня сейчас...

Я оглядел сумеречный, сырой туннель. В воздухе – столбы пара из канализационных решеток, в них снуют смутные тени – люди спешат миновать неприятное место.

Вывеска «Секонд Хенд», рядом – магазинчик электроники. Оба хозяина в тулупах и шапках с ушами. Шмыгая носами, пьют что-то горячее. До них – десять шагов. Я «щелкаю».

Один, два, три, четыре... Мальчишка подбегает к витрине. Шесть, семь... Сгребает в охапку телефоны, и бежит прочь. Продавцы замерли в изумлении от наглости подростка. Восемь, девять... Я стремительно захожу в «Секонд», на меня никто не смотрит: воришка убегает, мужики, забыв обо всем, за ним.

Проходя через павильон, сдергиваю с вешалки серый пуховик, не глядя хватаю какую-то шапку, вязаные перчатки... Никто на меня не смотрит.

Наконец-то тепло. Смешную шапку с помпоном – по самые брови, руки – поглубже в карманы... Мельком глянул в витрину – сам себя не узнал. Морда небритая, взгляд загнанный... Здесь таких называют бомжами. Ну и ладно, ну и хорошо. Это – не я. Не Алекс Мерфи, знаток английской поэзии, еще вчера – законодатель мод, любимец молоденьких студенток, а бомж. Просто бомж...

Пальцы в кармане провалились в дырку, нащупали какую-то бумажку. Ну надо же! Десять евро... Качели раскачиваются всё сильнее. За каждую поблажку придется платить втридорога.

Выменял бумажку на стакан горячего чая и несколько пирожков, поел прямо на ходу. Никто не запомнит бродягу, разве что – огромный красный помпон. Очень хотелось присесть, обдумать дальнейшие действия, но сидеть нельзя...

Джафар будет меня искать. Русская контрразведка будет меня искать. Интерпол? Вот уж не знаю, зачем я понадобился интерполу...

Автобус, дыша выхлопами, гостеприимно распахнул двери. А... Почему бы и нет?

Внутри тепло и душно. Я смотрю сквозь черное окно на улицу – там, несмотря на густой снег, бурление жизни. Люди смеются, спешат домой, к котлетам и борщу... К женам, мужьям, детям, телевизорам... Автобус подскакивает на ухабах. Привалившись головой к дребезжащему стеклу, я засыпаю.

Во сне – улыбка мамы и сердитое лицо отца...

Глава 4

ДЖОН ТРАСК, ЛОНДОН.

Некоторое время смотрел сквозь тонированное стекло на улицы Лондона, развлекая себя привычной игрой: а что если б они, эти мелкие людишки, знали, что здесь, в бронированном лимузине, нахожусь Я? Джон Траск? Вот лимузин подъезжает к Букингемскому дворцу, я вхожу в Зал приемов, сажусь на трон... И к черту эту старую гримзу, которой сейчас поклоняется плебс...

- Мистер Траск, появились новости.
- Занимайся этим сам, Андрэ. У меня нет настроения.
- Вы должны взглянуть, сэр. Это важно.

Траск вздохнул, и открыл планшет. Ну что там еще может быть?

«В открытом письме известный миллиардер Джон Траск заявил: – «Использование роботизированного оружия выгодно отразится на мировой экономике. Так как для его производства не нужны редкие материалы и дорогостоящие технологии, как например, для производства ядерных ракет, цена такого оружия будет удивительно небольшой, что позволит сократить бюджеты военных на несколько миллиардов фунтов»...

Но мистер Траск забыл упомянуть, что снижение стоимости, как правило, приводит к увеличению производства! А не ему ли принадлежат самые крупные заводы робототехники, размещенные в странах третьего мира?

Получается, он сможет контролировать правительства бедных стран, манипулируя рабочими местами и экономикой. К тому же, это наводнит рынок дешевым, доступным всем подряд, супероружием!

Что же останется мирным гражданам? Куда денется политика ядерного сдерживания, если в бой ринутся полчища роботов? Не ожидают ли нас новые «Войны Клонов», которые уничтожат тот мир, который мы любим, как это случилось в известной космической саге?...»

В бешенстве Траск выключил экран. Да что же это такое? «Открытое письмо» должно было стать венцом его Плана! Он ожидал бурных оваций, маршей доброй воли, премии Мира, в конце концов! Ведь вместо людей воевать будут роботы – разве не к этому должно стремиться просвещенное человечество?

И снова – дикая, чудовищная выходка газетчиков, как и в истории с Марсом. Они опять перевернули всё с ног на голову! Где допущена ошибка? Что пошло не так? Кого в этом винить? Почему вдруг, после стольких лет, его подстерегает провал за провалом? Никогда такого не было... Даже в те далекие времена, когда он с бульдожьей хваткой и упорством зарабатывал свои первые миллионы...

Ему всё давалось легко. Как умелый дирижер, Траск играл на человеческих слабостях, применяя методы, усвоенные еще в детстве...

Мать, глотнув дешевого виски, читала ему на ночь «Крестного отца», и Джон представлял себя Доном Карлеоне, только более влиятельным и богатым. Много лет назад, в их крошечной квартирке в Восточном Лондоне он уже знал, кем станет...

Но сейчас творилось что-то невероятное. Два провала за один день! Считая отказ Деметры – три!

Он закрыл лицо руками. Не надо было вспоминать об этой стерве... Слава богу, Андрэ не успел обнаружить новость о помолвке. Все эти так называемые «друзья», завистники, должники и прихлебатели, не упустили бы шанса позлорадствовать, прикрываясь фальшивым сочувствием. И всегда, неизменно – сверху вниз...

Траск не любил людей. В их обществе он чувствовал себя ребенком – трудно выглядеть великим, когда нужно задирать голову, чтобы посмотреть в глаза собеседнику...

Он открыл очередной пакетик – на этот раз чипсов, и обратился к секретарю:

– Андрэ! Что с Удильщиком?

Пауза.

– Андрэ! Я не собираюсь ждать весь день!

– Я предупреждал, что его рано запускать, сэр. Вы меня не послушали, и теперь я не пойму, что за чертовщина творится на рынке ценных бумаг...

Только он, старый добрый Андрэ, мог позволить столь небрежный тон. Они были вместе с самого детства... Толстый неуклюжий мальчик в клетчатых брюках, канареечной рубашке и нелепой бабочке, – над ним тоже смеялись и не хотели играть... Аутичный ребенок сам находил развлечения.

Узнав о тайных забавах Андрэ, Траск хотел всего лишь припугнуть одноклассника, чтобы заставить его подчиняться, но потом... Потом понял, каким он может стать в умелых руках. Андрэ только с виду казался тупым, заторможенным... За нелепой внешностью, как это часто бывает, скрывался острый, изобретательный ум. И всего лишь нуждался в управлении...

Потакая его слабостям, Траск добился абсолютной преданности, сделав Андрэ своим тайным оружием. Они многое пережили вместе, и это позволяло помощнику проявлять неуважение. Иногда.

– Что ты имеешь в виду, объясни толком!

– Котировки акций падают. На данный момент мы потеряли четверть миллиарда...

Траск подобрался. Все обиды отошли на задний план. Лучше всего он чувствовал себя в состоянии едва сдерживаемого возбуждения: когда опасность подбиралась близко, ни на что другое не оставалось времени.

– Ты думаешь, это как-то связано с Удильщиком?

– Не знаю, сэр, нужно разобраться.

– Кто-то пытается «вытрясти спекулянтов»?

– В том-то и дело, что никто конкретно. Просто пошла общая тенденция, и всё. Так бывает, когда играют на понижение...

Траск принял решение:

– Мы не летим в Нью-Йорк, отмени все встречи. Свяжись с конторой, они должны быть готовы выполнять команды в мгновение ока.

– Да, сэр.

Секретарь отдал водителю приказ свободно колесить по городу, а сам углубился в плотные столбцы цифр на экране ноутбука. Они оба привыкли работать в машине, – лимузин давно стал передвижным офисом. Теплым, уютным и безопасным...

Траск зловеще улыбнулся: Большая Игра началась!

Глава 5

АЛЕКС МЕРФИ, МОСКВА.

Рывком выбило из сна. Кто-то меня толкнул, нас потащило по проходу, ударяя о ножки сидений... Грохот, скрежет, детский плач...

Судорожно хватаясь за поручни, выбрался из тяжелой, душной людской кучи, но тут раздался еще один толчок... Автобус повалило на бок, понесло. В окне над головой мелькнули оранжевые всполохи... Скрежет перешел в пронзительный металлический визг. Еще один удар, потолок мнетя, а мы все внутри – как килька в томате...

Качели взлетели слишком высоко.

– Эй, тут кажись живой!

– Где я? – голос не слышится, и кажется, я заговорил по-английски...

– Точно живой! Давай носилки!

– Подождите! Что случилось? Кто вы?

Мне в лицо тычется пятерня в грязной вязаной перчатке с обрезанными пальцами. Ногти с черными каемками и в заусенцах.

– Сколько пальцев? Как зовут?

– Куда вы меня тащите?

– Успокойтесь, у вас шок. Сейчас сделаем укольчик... – подходит девушка. Шмыгает носом, неловко держа шприц vareжкой.

– Да подождите! Я цел! Ни царапины!

– Могут быть внутренние повреждения. Не сопротивляйтесь, гражданин! Сейчас вас отвезут в больницу...

Склоняясь надо мной, она старается улыбнуться, но подбородок предательски дрожит, глаза – белые от испуга... Да что случилось-то?

– Не надо меня никуда везти! Я не хочу! Выпустите меня!

Я задергался, пытаюсь слезть с каталки. Панический ужас мешал вдохнуть... Я же сбежал, у меня же получилось!

Наконец, выпростав руки, расстегнул пряжки... Мои плечи придавили чьи-то руки:

– Браток! Не гневи Бога, послушай сестричку. – таким тоном обычно говорят с психами...

– Да я здоров! Ничего не болит!

– Вот то-то и оно... Все остальные всмятку, а у него – даже не болит ничего. Считаю, в рубашке родился. И с золотой ложкой в жопе.

Я разом вспотел, в ушах зазвенело.

– Что... Вы... Говорите?

– В рубашке...

– Нет! Что случилось? Как автобус?

– Никого больше нет, браток. Не выжили. Только ты.

Живот скрутило. Я оттолкнул мужика, неловко соскользнул с каталки и упал на колени. Жгучая горечь поднялась из желудка, наполнила рот и ноздри, я закашлялся. Что я сделал не так? Почему погибли эти люди? Я даже не знал никого из них! Почему они погибли, а я – нет?!

Откатившись от дымящейся рвоты, я сел, набрал полную пригоршню колких льдинок и размазал по лицу. Снег окрасился красным. Недоуменно посмотрел на него, набрал чистого, и снова прижал к щекам. Ничего не понимаю...

Сколько в автобусе было человек? Тридцать? Сорок? Почему они? Я же не «щелкал» почти, жил себе, никого не трогал... Надо сдать, пока не поздно. Пока люди не начали гибнуть сотнями... Кому я мог помешать? Вынуждают меня бежать, а страдают другие...

Я с трудом поднялся на ноги. В груди жжет, во рту вкус крови и рвоты.

– Гражданин! Ложитесь на каталку! У вас внутреннее кровотечение!

– Ничего страшного. Это зуб. – собственный голос шел издали, сквозь слой ваты.

Оглядевшись, я заметил темный проход между домами. Не «щелкать»! Ни в коем случае не «щелкать», пока еще кто-нибудь не пострадал! И так до конца жизни не отмоюсь...

Сколько раз я задавал себе этот вопрос: стоит моя безопасность чужих жизней? Почему кто-то должен умирать, чтобы жил я, Алекс Мерфи? Кто так решил?

Ответа у меня нет. Не рискну даже предположить, что начнется, если к моему лбу приставят пистолет... Конец света? Ядерная война?

А может... Может я болен, и то, что происходит – лишь плод моего воображения?

– Гражданин! Как вас зовут? Скажите свое имя и позвольте доставить себя в больницу! – хватают за плечи, пытаются уложить.

– Извините. Мне надо идти... – выворачиваюсь, отталкиваясь руками бегу, не разбирая дороги. Вслед несется:

– Да вы что! С ума сошли? Держите его! Он сошел с ума! У него шок!

...Меж двух пожарных машин, затем под самосвал, за мусорные баки и – в темный переулок. Фонари не горят, по обочинам – легковушки под пухлыми белыми шапками. Снег продолжает идти.

Побежал, но в груди закололо слишком сильно. Знакомые ощущения: сломаны ребра. Ладно, просто шагом... Черт, почему кровь из горла? Это же просто зуб! Остановиться на минутку, голову вниз, чтобы унять головокружение... В глазах потемнело. Рука бессильно скользнула по забору... Подумал: – «какой холодный снег» – и отключился.

Глава 6

ИЛЬЯ ВОРОНЦОВ, МОСКВА

Алексей Мёрфи... Мать – русская, дочь иммигрантов. Теперь понятно: когда запахло жареным, мальчишку потянуло на родину предков. Несмотря на высокопоставленного папочку.

Хотя... Совсем даже и не мальчишку. Двадцать восемь лет, в прошлом – морской котик... Да мы с ним могли столкнуться где-нибудь под Самаррой! Не так прост Колобок, не так прост...

Что там с его матерью? Парень слетел с катушек после того, как я сказал о её смерти. С другой стороны, кого бы такое известие оставило равнодушным?

Вошел Михалыч. В распахнутом тулупе, в одной руке – шапка, в другой – какие-то бумаги. Запахло морозом и беломором.

– Романыч, нашли кажись. Вот фотки.

– Давай! – я вскочил. – Давай, давай!

Внимательно изучаю снимки, один за другим.

Да... Это может быть он. Шапка дурацкая, но глаза... Жесткая линия рта, подбородок... Это он!

– Михалыч, откуда это?

– Авария в Капотне. Автобус перевернулся на гололеде... После того, как в него бетономешалка врезалась. Фото из автобуса, там была камера.

– И что? Вы его взяли?

– Нет. Он... снова исчез.

– Люди из автобуса, очевидцы, кареты скорой помощи... Опросить всех!

– Там... – Михалыч размотал пушистый шарф, вытер им лоб и присел на стул. – Романыч, из того автобуса никто не выжил. Только Фокусник.

Это вам не падение чугунных лошадей... Люди – это уже серьезно!

– Сколько... – я перевел дыхание. – Сколько там было человек?

– Всего?...

– Да! Всего! Сколько?!

– Тридцать семь. Автобус – всмятку, как консервная банка. Мы уже потом, по описаниям восстановили... Очевидцы – медсестричка из скорой и пожарники: вытащили одного, на нем – ни царапины. В рубашке родился... Погрузили на каталку, пристегнули, кислород дали, всё честь по чести... А он очнулся и – давай бог ноги. Ребята только руками развели. Послали наряд милиции – искать. Сестричка сказала, у пострадавшего – посттравматический шок и кровь горлом. Не нашли, только пятна этой самой крови на снегу, в подворотне...

– Ищите дальше!

– Да ищем, ищем... Больницы оповестили, морги... По отделениям ориентировку разослали. Фокусник – он и есть...

– Ты мне это брось. Чтобы никакой чертовщины! Обычный он... Только везучий больно.

– Да кто б спорил?

АЛЕКС МЕРФИ, МОСКВА.

Проснулся от яркого солнца. Попытался вскочить, но в груди взорвалась боль.

– Не дергайся. Снова отключишься, – надо мной лицо: высокие скулы, острый подбородок, зеленые, узкие глаза... Очень необычное лицо.

– Вы кто? – я осторожно приподнялся. В груди кольнуло.

– Дед Пихто.

– Странное имя...

– Не страннее тебя, – девчонка села напротив, закурила...

– Вы мне помогли?

– Иду – а он лежит. Как мертвый щенок. И кровь...

– Вы не вызвали полицию? Скорую?

– А надо было? – смотрит с интересом. Глаза злые, как у голодной кошки.

– Нет, нет... Спасибо. Думаю, со мной уже всё в порядке. Я могу идти?

– У нас – свободная страна. Так, кажется, говорят в Америке?

Я насторожился. Огляделся внимательнее. Сарай? Склад? Сквозь щели в заколоченных окнах – солнце, на полу – консервные банки, окурки, рваные пакеты...

– С чего вы взяли, что я – американец?

– Акцент. Поведение... Еле дышит ведь, а зубы в улыбке скалит. Так только пиндосы делают – защитная реакция... И вежливый. Аж противно.

На ней были выдавшие виды армейские ботинки, джинсы с дырками на коленях, тонкая курточка не по погоде, зеленый шарф и огромный, радужной расцветки, берет. Огненно-рыжие пряди рассыпались по плечам.

– Сама-то кто будешь?

– Самостоятельная девушка. Деловая

– И почему у деловой девушки такой потрепанный вид?

Непонятно, зачем я нарываюсь?

– Просто временные трудности... – она отвела глаза, прикусив нижнюю губу.

– И, тем не менее, ты меня подобрала.

– Не бросать же бездомное животное. Метафора. Это...

– Я знаю, что такое метафора! Я, если хочешь знать, поэзию преподаю! – мы сердито уставились друг на друга. Стало смешно: сидят два бродяги на помойке и спорят, кто круче...

– Извини. Спасибо тебе. Иначе я бы замерз.

– Пользуйся на здоровье. Хотя здоровья-то у тебя и нет. Язык в крови... Есть одна больничка на окраине... Всех принимают, бомж ты или не бомж. И документы не спрашивают.

– Это всего лишь ребро. Пройдет.

– Ну, тебе виднее... Поэт.

– Алекс. Очень приятно.

– Лёха, значит. Ну-ну... Я – Ассоль.

Она была странная. В смысле – все девушки немного странные, но она... Вела себя так, будто знает что-то, недоступное мне. И это знание делает её главнее.

С трудом сел. Ассоль протянула бутылку с водой. Вода ломит зубы, но я пью, пока не начинает течь по подбородку. Отдышался, вытер рот. На рукаве остался грязно-розовый след.

...Как мне теперь попасть в Нью-Йорк? Причем, быстро? Джафар наверняка думает, что я его подставил... В тотализаторе крутятся большие деньги, из-за меня сегодня кто-то стал беднее. Пострадавшие спросят с организатора – Джафара, а он – с меня. Зря я сказал про Нью-Йорк... Теперь его ребята не пропустят ни одного самолета.

Снова знак? Моя хромая удача не может допустить, чтобы я летел в Штаты? Слюна неожиданно стала горькой: я не должен был попасть на бой с Хирамом, ставленником Джафара. Не должен был получить билет и улететь...

– Эй! Ты что, заснул?

– Прости, задумался.

– Надеюсь, о том, что собираешься делать дальше.

Я посмотрел на нее внимательнее.

– А тебе-то что?

– Да ничего... – неприязненно пожав плечиками, она поднялась с тючка, на котором сидела. – Больно надо было...

Тючок оказался рюкзаком, Ассоль закинула лямки на плечи.

– Бывай, Лёшик. Надеюсь, больше не увидимся.

Вдруг оборвалось сердце. Я испугался, что она сейчас уйдет. Может, боялся остаться один на один со всеми вдруг свалившимися проблемами, а может... Я и вправду никогда не видел таких удивительных глаз.

– Подожди! – она нехотя обернулась. Я поднялся, кряхтя, и сделал пару шагов к ней навстречу. – Извини меня, правда... Я не думал, что говорю. Я ведь не просто так оказался там, в сугробе...

– Слепой козе видно, что ты в дерьме по самые помидоры...

Она с тревогой глянула на выход, завешенный плотным куском полиэтилена.

– Я был бы очень благодарен за любую помощь. Пожалуйста.

Снаружи доносились выкрики торговцев, гомон толпы, запах горячего масла и протухших овощей. Только сейчас сообразил, что мы – где-то на рынке. Как она меня сюда притащила?

– Так что дальше-то? Планы есть?

Я решил.

– Вчера должна была состояться встреча с влиятельными людьми. Я опоздал, и теперь они думают, что я их подставил.

– То есть, тебе нужно спрятаться.

– Да. Собственно...

– Не объясняй. Меньше знаешь, крепче спишь, верно?

Она взяла сигарету, щелкнула зажигалкой, выпустила дым... Я нервно сглотнул.

–

И еще... Мне нужно в Нью-Йорк. Как можно скорее.

Глава 7

ДЖОН ТРАСК, ЛОНДОН

Раздался тревожный сигнал, Андрэ поспешно нажал кнопку коммуникатора, послушал несколько секунд и повернулся к Траску:

– Авария в Тихом Океане. Супертанкер продул цистерны и... лодочка перевернулась, – он вернулся к сообщению.

Голос на том конце механически выговаривал слова. Скорее всего, – думал помощник, – сбой системы произошел из-за неполадок в компьютера танкера...

Траск протиснулся вперед и вырвал трубку из рук Андрэ.

– Кто бы ты ни был, начинай рыть себе могилу! – провизжал он в микрофон, радуясь, что есть на ком сорвать злость.

Очередная неудача. Только что он парил на крыльях вдохновения, и вот – лежит разбитый. Если общественность узнает, что половина океана залита нефтью из танкера, принадлежащего Икс-корпорейшн... Репутацию будет уже не спасти. После провала с Марсом и той статьи об оружии... Траск зарычал.

Как они умудрились проморгать эту новую угрозу? Куда смотрел Удильщик? Почему не предупредил?

– Андрэ, нужно действовать молниеносно. Уничтожить всю информацию! Пусть этим займется Удильщик!

– Уже сделано, сэр.

– Ни одно слово об этом не должно просочиться! Никаких спутников, никаких съемок, полное радиомолчание. Ты меня понял?

– Я подключил программу, как только узнал, сэр. Всё будет в порядке, не беспокойтесь.

– Занимайся только этим, Андрэ, я отменяю все предыдущие распоряжения! Дальше я сам...

В глазах вдруг потемнело и он осторожно откинулся на подушки. Салон начал вращаться, воздух сгустился, стал душным... Приступ. Траск упрямо сжал челюсти, не желая поддаваться слабости. Перед глазами замелькали яркие вспышки.

...Белозубая улыбка Деметры. Детское, невыразительное лицо Андре – на щеке, как драгоценные рубины, мелкие капельки крови... Бледное лондонское небо, в которое улетает воздушный шарик – единственный подарок на день рождения... Колин, маленький паршивец, от твидового пиджачка которого вечно пахло мочой, ударил его по руке и Джон выпустил веревочку...

...Жареные каштаны. Ему так хотелось их попробовать...

...Щербатая улыбка продавца сахарной ваты в парке...

...Смех одноклассников, когда Фергюс подставил ему ножку, и Джон шлепнулся в лужу. Ранец больно бьет в затылок...

И над всем этим – микеланджеловская улыбка матери... Запах дешевой косметики, кружево лифчика в вырезе халата, который она никогда не запахивала, находясь дома... Мыльная пена и лужица виски на черно-белом кафеле пола...

Траск свернулся на сидении в позе зародыша. Перед лицом оказалась деревянная панель двери автомобиля. В нос ударил запах дорогого яхтного лака, которым он приказал покрыть светлый ясень. Этот резкий, живительный дух привел его в чувство.

Салон лимузина продолжал вращаться, вызывая тошнотные позывы, но теперь он мог это контролировать. Замедлить вращение... Остановить... Вот так. Сосредоточиться, проследивая тонкие прожилки на ясеновой доске...

...Когда мать позволяла себе лишнего, и нужно было просто переждать, сидя под кухонным столом, укрывшись за длинной бахромчатой скатертью от ее ищущего, мутного взора, он прятал лицо в коленях, склоняясь над старыми паркетинами, и, чтобы не было скучно, прослеживал жилки в дереве, одну за другой. К тому времени, как он заканчивал, мать обычно крепко спала в ванне с горячей водой. Пустая бутылка из-под виски, выпав из ее бледной руки, обычно лежала на полу. Он выползал из-под скатерти, спускал воду, а на её обнаженное, распаренное тело набрасывал большую купальную простыню...

...Придя в себя, Траск поднял голову и уперся взглядом в широкое лицо Андрэ. Поморщился, вспомнив кровь... Оказывается, помощник перешел в салон и теперь сидел напротив, очень близко. Его колени, обтянутые твидом в огромную клетку, были у самого лица Траска.

– Вам уже лучше, сэр?

Только ему одному позволялось быть свидетелем слабости. Только ему...

– Всё в порядке. Отодвинься, дай мне место! От тебя воняет!

– Это Глорианна, сэр. У неё течка.

Одежда толстяка всегда пахла кошками. В его квартире на Стрэнде проживало одновременно от шести до десяти кошек. Он подбирал котят в подворотнях, находил бездомных скитальцев на улицах, кормил, заботился, лечил их странные кошачьи болезни...

Траск знал, что Андрэ является попечителем нескольких благотворительных фондов помощи бездомным кошкам. Эта его странная привязанность иногда раздражала, но в целом была безобидной, не считая запаха и шерсти... По сравнению с другими устрашающими привычками. И обходилась значительно дешевле.

– Ты держишь ситуацию под контролем?

– Разумеется, сэр. О танкере не беспокойтесь. Тем же маршрутом шел еще один корабль... Китайский, сэр. Нам удалось списать аварию на него. По счастью, китаец тоже вез нефть.

– Вы его...

–

Да, сэр. Не правда ли, получилось очень удачно?

Глава 8

АЛЕКС МЕРФИ

– Ты правда думаешь, что это – хорошая идея? – мы стояли на путях. Мимо грохотали поезда, тянулись товарняки... Приходилось кричать.

Она пожала плечами.

– Здесь электрички притормаживают. Ты вроде ловкий парень, должно получиться.

– А если не получится?

– Да ладно, не ссы... Ты что, никогда зацепингом не ездил? При твоём образе жизни только так и надо...

– Да нормальный у меня образ жизни! Я в универе преподаю! Английскую, мать её, литературу! Никакого терроризма, погонь, контрразведчиков и мафии!

Я орал так, что запершило в горле. Наверное, это поезда. Слишком грохочут... Ассоль подошла и, привстав на цыпочки, сказала прямо в ухо:

– Привыкай, Лёшик.

Похлопала по плечу, и пошла вдоль путей. Я поплелся следом.

ИЛЬЯ ВОРОНЦОВ

Я решил проветриться. В Управлении дышать стало совершенно невозможно. Торжествующие, неприязненные взгляды... Ещё бы. Новый «зам» Кремлева облажался! Упустил Фокусника, а тот взял да и опрокинул целый автобус с людьми!

И не сказать, чтобы у нас работали сплошь суеверные, необразованные люди...

Уже год, а я всё не могу привыкнуть. Сначала – операции, лечение, затем – реабилитация, чтобы там под ней не подразумевалось... Так называемая «мирная жизнь». В чём-то Константин Петрович прав, я ещё не приспособился. Физически – вроде всё на месте, а если и болит – так это даже хорошо. Михалыч говорит, если ничего не болит, считай, ты уже умер...

А вот к интригам, подковерной борьбе, всем этим многозначительным мелочам душа не лежит. Сделали бы меня оперативником, как Михалыча... Но нет. Не повезло...

...Посыпанные солью дороги превратились в бурю грязь, тёплый ветер пахнет канализацией. Я шел вдоль площади, надеясь погулять в парке. Посмотреть на детишек с бабулями, на глупых, толстых голубей, на чистое небо, в конце концов... Хоть ненадолго отвлечься. Но трудно не думать о белой обезьяне. Особенно, когда она корчит рожи и бесстыдно показывает красный зад.

Я – далеко не Шерлок Холмс. Не идиот, конечно, но по части распутывания хитрых клубков, до Кремлева, бывшего оперативника, мне далеко. А у Мёрфи есть тайна. Нюхом чую, а объяснить не могу. Вот что он не преступник – могу поклясться. Убийц, психов всяких я насмотрелся...

...К кордону подходит дед. С трудом, опираясь на клюку, переставляет ноги в стоптанных ичигах. В темном, заскорюзлом кулаке болтаются четки: черные и белые фасолины, нанизанные на нитку... Ребята вышли из КПП, улыбаются:

– День добрый, отец, куда путь держишь? Водички? Сейчас, сделаем...

А у меня свербит: другого слова и не подберу... Как будто под кожей – тысячи муравьев. Грызут, грызут... Гляжу на парней – автоматы скинули, закурили...

У деда лицо коричневое, заросшее белоснежной бородой, чалма по самые брови, руки сухие, с желтыми ногтями... И тут я поймал его взгляд:

– «Аллах Акбар!» – и улыбнулся, показывая крепкие, молодые зубы...

Взрыв разнес КПП, сержанту Курицину оторвало ногу, мальку первого года службы Ухаренко – голову. Один я целым остался. В последний момент, понимая, что уже поздно, что никого не спасти – прыгнул за стенку...

Тогда мне повезло.

Потом уже возненавидел это муравьиное копошение под кожей. Знал: как только оно появилось – всё. Не пронесет. Вот и сейчас: не в полную силу, но...

Я тряхнул головой, сбрасывая оцепенение. Может, парень попал в неприятности и нуждается в помощи? Но зачем тогда бежать?

В то, что это он виноват в гибели пассажиров автобуса, я не верю, и не поверю никогда... И не потому, что проникся необъяснимой симпатией к иностранному гражданину, а потому, что исходя из принципов диалектического материализма, это – невозможно. К тому же, он сам там был, в автобусе...

По мнению некоторых, я должен его ненавидеть. Как же! Такой плевков в карьеру... Легендарный «Орлиный Коготь» не смог применить свои необыкновенные (по слухам) боевые навыки и упустил преступника национального значения...

Телефон названивал уже минуту, но я не обращал внимания. Что? Потеряли? Еще кто-то сбежал, стоило мне отвернуться? Всё же надо ответить...

– Да!

– Воронцов, ты обо мне совсем забыл?

Лилька!

– Прости, котенок. Завал на работе.

– У тебя всегда завал, это не оправдание... И что на этот раз?

– Э-э-э...

– Снова военная тайна?

– Ну... типа того.

– Ладно, вечером свободен?

– Постараюсь.

– Приходи. Мясо по-французски и вино.

На душе потеплело. Хоть кто-то рад меня видеть просто так, без оглядки на должность и награды...

Глава 9

АЛЕКС МЕРФИ

На крыше электрички задувало так, что даже глаза замерзали, пришлось спуститься на смычку между вагонами. Там, в тесном грохочущем пространстве мы и висели, прижавшись друг к другу. Разговаривать было невозможно.

В груди горело, с каждым толчком раскаленный гвоздь всё больше пронзал ребра. Я думал только о том, чтобы не потерять сознание и не свалиться в замораживающую, быструю пустоту под ногами. Так продолжалось целую вечность.

У девчонки был термос с горячим чаем, она даже умудрилась его не уронить, но пить при такой тряске я не рискнул. Боялся, что вывернет. Похоже, к сломанным ребрам у меня еще и сотрясение...

Наконец, перед остановкой на какой-то станции, Ассоль дернула меня за рукав и махнула рукой.

– Прыгаем! Дальше нельзя, тут всегда проверяют!

Я с облегчением соскочил на землю. Затекшие ноги не слушались, покатился под откос. В глазах потемнело от боли... Да что ж я всё время падаю-то?

– Ты как? – Ассоль помогла сесть.

– Не знаю.

Я закашлялся.

– Надо было тебя в больничку. А то кони двинешь, и что тогда?

– Не двину, – я с трудом встал. – Со мной и не такое бывало.

– Ну... Тогда хотя бы отлежаться? Орел-десантник...

– Времени нет. Как добраться до какого-нибудь частного аэродрома?

Сколько-то денег у меня было. Успел залезть в тайник на вокзале, распотрошил ячейку... Купил теплой одежды – себе и девчонке, как бы в благодарность. В ярких куртках, одинаковых шапках и ботинках мы были похожи, как близнецы.

...У меня созрел план: найти частный самолет и заплатить за полет до Нью-Йорка. То, что Джафар уже шерстит Москву, можно не сомневаться. А ведь с той стороны океана у него тоже друзья... Позвонить отцу? Попросить помощи? Нет. Не настолько еще дерьмово.

Ассоль снова вытасила термос, налила коричневой бурды, протянула мне. Чай был пригорно-сладкий и чуть теплый. Замутило.

– Так что насчет аэродромов?

– Фиг знает. Можно в инете пошарить... Но я бы на твоём месте хорошо подумала. Можешь не долететь.

– Но ты не на моем месте! ... Извини. Я плохо соображаю. Мне очень надо в Нью-Йорк. Правда.

– Хозяин – барин. Пошли. На станции есть вай-фай.

ИЛЬЯ ВОРОНЦОВ

Изучив папку с документами от заокеанских коллег, я пришел в недоумение. Они что, всё это серьезно? Он у них и впрямь Гудини: то исчезает из-под слежки, то наоборот – выпрыгивает, как чертик из табакерки, и портит все планы. В казино ненормальные суммы выигрывает.

Или вот пишут: мистер Мерфи силой мысли заставил агента направить автомобиль прямо под колеса грузовика, мчащегося на огромной скорости...

Бред собачий! Я в гипноз не верю. По мне всё просто: знай, где находишься, и помни, кто ты есть. И никаких «призраков»...

Пройдя по коридору, постучал к Шефу. Странно... Обычно он чуть ли не раньше уборщиц появляется. Ладно, подождем...

Ничего не замечая, вернулся к себе, упал в кресло и продолжил медитацию. Алекс Мерфи не шел из головы.

Зря я вчера к Лильке не поехал. Отдохнул бы по-человечески... Но навалилась текучка, я же – зам. Дурацкие предписания, формуляры – всего не упомянуть. И секретарши нет. До полуночи, как последний стряпчий, разгребал завалы. Чуть не застрелился, ей-Богу! Ну не мое это – над бумажками корпеть...

Не сиделось. Хотел выйти на улицу, проветрить голову – на ходу всегда лучше думается, но решил всё-таки дождаться Кремлева.

Через час вновь постучался... Да что ж такое? Уехал на совещание, а меня, зама, не предупредил? У кого бы узнать, чтобы не показаться совсем идиотом? И где эта вобла, его секретарша? Как её? Рита Пална?

Я оглядел приемную. Тишина. Телефоны не звонят, монитор секретарши выключен. Рванул дверь в кабинет «Самого». Пусто...

Уткнувшись лбом в стену, замер, стараясь сосредоточиться. Что? Где? Не понимая, откуда идёт волна, чуть не заревел, как дикий зверь. Но взял себя в руки, выпрямился, сделал несколько глубоких вдохов... Не ровен час, войдет кто-нибудь, греха не оберёшься.

– Илья Романович...

О! Вобла заявила. Скроил строгую морду:

– Да? Где вы ходите? Куда девался Кремлев?

– Илья Романович...

Только сейчас заметил, что у неё голос дрожит, как пороссячий хвост, и губы трясутся. Подскочил, взял за плечи, встряхнул так, что очки соскочили с узкого носика...

– Что?!

– Кремлев... Константин Петрович... Авария...

Я медленно опустился на стул. Стало невыносимо жарко, ручьями потекло по спине, по бокам, пиджак сделался тесным и колючим. Нашарив в кармане платок, прижал к лицу.

– Он жив?

– Нет. Не справился с управлением. В столб. Подушки безопасности не раскрылись...

Не веря своим ушам, поднял глаза. Секретарша, прижав руки к груди, комкала замурзанный платочек. Кусала губы, но слезы сдерживала. Черт меня подери!

Вскочив, я усадил её на свое место, налил воды, подал. Сам напился прямо из графина, со стуком поставил назад. Сигарету бы...

– Э... Рита Павловна... У вас закурить не будет?

Всклипнув, она поднялась, пошатнувшись, посеменила к своему столу.

– У меня только с ментолом.

– Да хоть с чертом лысым...

У Кремлева новая машина, прямо с завода. Такая же, как и у меня – по распределению получили... Водитель... Она сказала: не справился с управлением. Я попытался вспомнить: а видел ли я хоть раз, чтобы Шеф водил машину?

– Почему он был без водителя?

– У Феде острый аппендицит... Ночью на скорой увезли, мне его жена только утром позвонила. Константин Петрович сказал, никого не нужно, он сам. И вот...

– Ладно. Успокойтесь, Рита Павловна. Слезами горю не поможешь... Что еще вам известно?

– Почти ничего. Эксперты говорят, нужны тесты... Скорость была за сто...

– В городе?

– Эксперты говорят...

– Ладно, я сам к ним схожу. Где тело? Мне нужно полное медицинское заключение. Проверить на все известные и неизвестные препараты, алкоголь, наркотики... Ну, вы и сами знаете! К вечеру всё должно быть у меня! Я поехал к телу, потом к экспертам.

– Илья Романович... Вы же зам...

– Я знаю!

– Но теперь вы временно исполняющий. До особых распоряжений...

Твою дивизию! Об этом я не подумал. Нужно как-то принять дела...

– Рита Павловна! Оставляю тылы на вас! Хотя бы на сегодня... Вы меня поняли? Вы же знаете, что и как здесь устроено, верно? Очень вас прошу, продержитесь!

Попрошу перевод. То, что не меня назначат на место Кремлева – к бабке не ходи... Я – не функционер, не умею я, как они, и слава Богу, что не умею. Вот в пустыне, с автоматом – другое дело. А работать с кем-то кроме дяди Кости я не буду...

... Год назад, приехав на дачу, застал отца с компанией. Удивился. Думал: посидим вдвоем, шашлычку пожарим... Месяц, как я вернулся. Всё дикое, всё в новинку... Женщины без хиджабов – красивые, веселые... Рестораны, громкая музыка, народ гуляет по улицам...

После выжженных песков, черных обугленных танков, пыльных рек и палящего белого солнца, Москва явилась новым Вавилонским столпотворением, вечным праздником, грохотом салюта и треском шутих...

Сидя в своей квартире, за плотно зашторенными окнами – чтобы не слышать не смолкающего ни днем ни ночью городского шума – я пытался привести свое мироощущение в соответствие с действительностью. Смотрел телевизор, читал... Не помогало. Звонил Михалычу – так, услышать знакомый голос: – «Как дела, старшина?» – « По маленьку, командир...» Но старался не злоупотреблять: у Михалыча жена, дочка...

На даче у отца приходил в себя. Двухэтажный особнячок посреди березовой рощи он купил выйдя в отставку, и теперь испытывал несказанное удовольствие, поливая розы по утрам... Мать жила в городе, последние годы они редко виделись.

А тут – гость. Такой же отставник? Не похож. Осанка крупного, сознающего свою силу зверя, стальной взгляд сквозь крошечные, чудом сидящие на мясистом носу очки... Как сквозь амбразуру. Серые волосы по моде пятидесятых: популярная стрижка «полубокс».

– Дядя Костя?

Я его не сразу узнал – лет двадцать не виделись.

– Ну, здорово, брат – боец! Как жизнь молодая?

– Да... Никак.

Устал я бодриться, делать вид, что всё пучком.

– Это хорошо!

Я выпучил глаза. Ожидал, что меня снисходительно похлопают по плечу, заверят, что всё устаканится, заранее приготовил вежливую улыбку...

– Скучно шпаком быть?

– Не то слово, дядь Кость! До смерти скучно!

Отец в разговор не вмешивался...

Глава 10

АЛЕКС МЕРФИ. ПОДМОСКОВЬЕ.

– Слушай, а ты – знаменитость!

Вздвогнув, пришел в себя. Пока Ассоль шерстила интернет, я пригрелся, вытянув ноги на соседний стул, и провалился в сон.

– Что? Что ты имеешь в виду?

– Смотри сам...

Она протянула телефон. На экранчике – моя фотография. Та, которую сделали на Лубянке, и еще – в дурацкой красной шапке... Каждый раз при воспоминании о том автобусе рвотный комок подкатывал к горлу.

– Это ориентировка МВД. Говорят, ты – террорист... – она скептически оглядела меня с ног до головы.

– Это неправда!

– Да кого волнует? Любой, кто тебя увидит, обязан сообщить. Ты попал, Лёшик.

– Меня зовут Алекс!

– Не ори. Люди кругом... Улететь, походу, не удастся. Не контрабандой же тебя отправлять...

– А это возможно?

– Да ты что, совсем? Я пошутила! И вообще... Как ты себе это представляешь? У тебя хоть документы есть?

– Нету.

– Офигеть. И как ты собрался в Штаты? Даже на частном самолете... Они же всё равно заполняют полетный лист, декларируют груз. За провоз нелегалов отбирают лицензию!

– Мне надо, понимаешь? Надо...

Я зажмурился, переживая приступ паники. Накатила тошнота, в висках застучали молотки, сердце ухнуло в живот.

– Да что у тебя там? Невеста? Любимый песик?

– Мама умерла. На похороны...

Глазам вдруг стало горячо. Я ни разу не произносил этих слов, вообще старался не думать. Всё это сон.

Затрясло. Уткнувшись лицом в колени, чтобы избежать её требовательного взгляда, я затих...

ИЛЬЯ ВОРОНЦОВ, МОСКВА.

Как он мог не справиться с управлением? Это абсурд! Мысли прыгали, как блохи на сковороде. Что? Почему? Может, враги у него были? Отравили?

Ладно... Сейчас я возьму Михалыча, и поеду: Кто констатировал смерть? От каких повреждений? Где свидетели? Всё, всё нужно самому...

Постоянно звонил телефон: то из Управления, то Лилька, то мать – вспомнила не вовремя, что у неё сын есть... Я его отключил, от греха.

– Вот те крест, Романыч! Чистое ДТП! Несчастный случай...

Знакомый из МВД был искретен, как школьник, прогулявший урок.

- Кто занимался автомобилем? Имя, телефон, адрес!
- Да не могу я! Ты чо, не понимаешь?
- Я-то всё понимаю! Убит начальник Управления ФСБ, а ты мне ваньку валяешь? Трибуналу захотел?
- Ты чо, Романыч, я и так тебе по дружбе... Дело-то сразу закрыли...
- Какая, к свиням собачьим, дружба! Кто посмел?
- Иди ты в жопу, Воронцов! Сам разбирайся, если охота... Официальное заключение таково: человек в возрасте, прихватило сердце – не справился с управлением.
- А подушки? У него же тачка новая!
- А вот это уже не ко мне. Не в курсе я...

Неправда. Чего-то все недоговаривают... По идее, землю носом должны рыть – такое событие... Не мелкая ведь сошка!

На Лубянку вернулся поздно. В коридорах пусто, лампы в полнакала. Все разбежались, хоть шаром покати. А в приемной у Кремлева горит свет – яркая полоска выбивается из-под двери... Я подобрался. Пинком распахнув створку, влетел внутрь, поводя пистолетом.

– Рита Павловна, что вы здесь делаете?

Что-то часто я стал дураком выставляться.

– Вас ожидаюсь.

На пистолет она даже не взглянула.

– Зачем?

Я постарался придать голосу уверенности, которую подрастерял за этот дурацкий, полный недомолвок и нелепостей, день...

– Ну как же? Передать дела!

Я сделал сквозь зубы вдох, досчитал до десяти и только потом спрятал пистолет.

– А разве мы не договорились с вами на завтра?

– Ну... Раз уж вы всё равно здесь, почему бы не сейчас? – она философски пожала плечами.

Железная дама. Успокоилась, привела себя в порядок – только синяки под глазами и губы бледные.

– Сколько это займет времени?

Ни о чем я сейчас не мечтал больше, чем о рюмке водки. Замерз, как собака.

– Да собственно... Дела действительно подождут. Все, кроме одного. – она поднялась, и направилась к сейфу. – Завтра сейф опечатают, бумаги заберут – так что нужно сегодня...

Я ничего не понимал. Что за тайны в родном Управлении?

– Это личные вещи Константин Петровича. – объяснила она, ныряя в железный ящик по пояс. – Точнее, его личные дела...

– Что? Разве он занимался оперативкой?

– Это, скорее, хобби. – секретарша с трудом вытащила стопку папок, я помог перегрузить их на стол. – Дела, которым Константин Петрович посвящал свободное время.

Я удивился. Никогда бы не подумал, что трезвомыслящему и очень занятому контрразведчику придет в голову играть в сыщика.

– Но причем тут я? В конце концов, у меня нет допуска!

– Это закрытые дела, на них уже махнули рукой. Ничего секретного.

Я посмотрел на папки. Тут были картонки с замусоленными веревочками и затрепанными уголками, тетради на скоросшивателях, современные файловые футляры...

– Константин Петрович завещали это вам. – секретарша многозначительно придавила сухими желтоватыми пальцами верхнюю папку. Строго, как учительница, посмотрела поверх очков. – Вы меня понимаете, Илья Романович? – и легонько подвинула всю кипу в мою сторону.

– Как не понять...

– Тогда на сегодня всё. Доброй ночи. – она четко, как на параде, развернулась, и удалилась.

А я никуда не пошел. Устроился в кресле шефа, и открыл первое дело...

Глава 11

АЛЕКС МЕРФИ

– Эй, пацаны, оттопыримся?

Я не сразу понял, что это нам. Ассоль отвернулась, но голос – визгливый, квакающий, не утих:

– Да ладно жаться, чо, кайф словить не хотите? – я поднял голову.

Тощий прыщавый юнец, кадык выпирает, как при базедовой болезни. Похож на паука. Глазки лихорадочно поблескивают сквозь немытую челку... Когда я на него посмотрел, парень улыбнулся, показав испорченные зубы. Пушер. Разводит простачков... Хотел его прогнать, но передумал.

– Что у тебя есть?

Он осклабился.

– Девчонки, кислота, бухло...

– Что из кислоты?

– Гирик, бошки, снег, импорт... У меня много всего, были бы бабки.

– Что из колес? – я протянул руку.

Он испуганно огляделся.

– Чувак, не здесь же... Вон, жеребчики пасутся! В сортир пойдем...

Страны разные, а гопники – одинаковые. В туалете ждут дружки. Как только войдем, они накинутся, заберут всё ценное и слава Богу, что не убьют... Если повезет, у него окажется что-нибудь обезболивающее. Что-то не слишком тормозное, но способное хоть на время извлечь раскаленное сверло из груди. Иначе я ничего не смогу.

– Пойдем, – кивнул дилеру и повернулся к девчонке. – Ты посиди. Я сейчас...

Она нарочито равнодушно пожала плечами.

В туалете смердело почти непереносимо. Пол залит то ли водой, то ли чем похуже... Главное, беречь ребро.

Их было четверо. Пушер – пятый. Многовато для гопников. Да и староваты... Увидев бородатые черные морды с характерными носами, я всё понял. Ну что ж... Через несколько минут все пятеро валялись на грязном полу, а я блевал в раковину кровью.

Умывшись под тонкой струйкой отдающей хлоркой воды, наклонился над тем, кто подавал признаки жизни, и сказал:

– Передай Джафару, что мне жаль. Я расплачусь, как только улажу кое-какие дела. Он меня знает.

Бегло огляделся. Вроде никого не убил... Подпер дверь снаружи железным ломом со щита пожарной безопасности, и задумался о девчонке. Кто она мне? Ну, помогла выбраться из города, а дальше что? Тащить с собой – лишние хлопоты. Нужно прямо сейчас выйти через другую дверь, затеряться в толпе, прицепиться к какой-нибудь электричке...

Но... Она там сидит, ждет. Может, беспокоится... Надо хоть попрощаться. Я вздохнул, и направился в зал.

Она была похожа на мальчика: волосы под шапкой, глаза настороженно-злые, упрямый маленький подбородок... Как задиристый воробышек. Я еще раз вздохнул, подошел.

– Послушай, Ассоль... Спасибо тебе за всё. Но дальше я сам.

– Что так? Не нравлюсь?

Сощурила в щелочки и без того узкие кошачьи глаза. На скулах проступили красные пятна. Обиделась.

– Видишь ли... Ситуация только что осложнилась.

– Господи, ты что, убил этого гопника?

– Да нет... Нет же, нет! Это был не гопник... В смысле, никого я не убил! С чего ты взяла?

– Да так. Показалось, – она хмуро нахохлилась. – Так что, расскажешь, что стряслось?

– А как же – «меньше знаешь, крепче спишь»?

– Еще есть – «назвался груздем, полезай в кузов». Это значит...

– Я понял. Знаешь, не такой уж я тупой, прекрати мне всё объяснять...

– Ох, простите, мистер всезнайка...

– Послушай! – превозмогая боль, я присел на корточки, взял её за руки и заглянул в глаза. Лапки у неё были маленькие, синюшные и в цыпках. Холодные, как ледышки. Захотелось поднести их к лицу, согреть дыханием... – Ассоль... Я в бегах. Мафия и спецслужбы вместе – это слишком. Полная жопа, как говорится. Со мной – опасно. Ты можешь пострадать.

Она вырвала руки и спрятала в карманы. Посмотрела с вызовом.

– А может, я не боюсь?

– Господи, что за детство? Боюсь, не боюсь... Не в этом дело! Мне бы себя вытащить, а с тобой... Извини.

Она снова усмехнулась.

– Пока что вытаскивала тебя я. Так что даже не обидно.

Шмыгнула носом и отвернулась. Только слез мне не хватало... Нужно было всё-таки уйти, не прощаясь.

Поднялся, кряхтя, но тут же согнулся в приступе кашля. В груди будто граната взорвалась. Набежали слезы, дыхание вышибло. Я упал на колени, стащил с головы шапку и вжался лицом в душную ткань. Когда приступ миновал, с трудом взгромоздился на стул, сторбился и затих, прикрыв глаза. Ассоль поднялась и ушла. Сил не было спросить, куда...

Наверное, уже не вернется... Полицейский с дубинкой всё прохаживался неподалеку, бросая в мою сторону настороженные взгляды. Узнал? Или просто проявляет бдительность?

Что делать? Уйти, пока полицейский не вспомнил, где он меня видел... До дверей – метров двадцать. Ряды кресел, дальше – столики кафе, ларьки со всякой всячиной и люди. Много людей. А что, если опять случится что-нибудь страшное? Как в автобусе...

– Вот, выпей, – я не заметил, как Ассоль вернулась. – Кофе с коньяком. Перестанешь кашлять.

– Спасибо.

Села, отгородив меня от полицейского. Тот, кажется, расслабился. Просто двое тинейджеров ждут электричку...

– Ты без меня пропадешь. – сказала, глядя в сторону. – Упадешь где-нибудь и протянешь ноги.

– Я и раньше попадал в неприятности.

– Оно и видно...

До истерики, до визга мне было страшно, что с этой странной девочкой что-нибудь делается по моей вине. Как с Кейт... Почти три года прошло, а я всё не могу избавиться от этого горького чувства: Беспомощность. Бездна. Непереносимое желание всё изменить, вер-

нуть назад, и – бессилие. Невозможность этого, казалось бы, простого действия... Сколько раз я себе представлял, как поступаю совершенно иначе. Не как идиот...

Вдруг Ассоль вскочила, надела лямки рюкзака и протянула руку.

– Пойдем. Быстро, но без паники. По сторонам не пялься.

– Ты что-то увидела?

– По-моему, да. Там какие-то подозрительные, кивают в твою сторону.

– Черт... Джафар так просто не отцепится.

– Джафар? Мертвец Джафар? Это от него ты прячешься? – она остановилась.

Я тоже застыл.

– Откуда ты его знаешь?

– Ну ты даешь... Кто ж не знает Мертвеца? Да им детей в детсадах пугают! Ты наркоман? Игрок? Сколько ты ему должен?

– Нет, я не наркоман. И не игрок...

– А что тогда?

– Я же говорил. Опоздал из-за аварии, сорвал сделку...

Она, поминутно оглядываясь, потащила меня вглубь зала ожидания. Зайдя в темный коридор, распахнула какую-то дверь. Раковина, откидная полочка, кушетка...

– Это комната матери и ребенка. Посидим немножко. – заперла задвижку, и, не снимая рюкзака, села. – Только тихо...

Я упал рядом, привалившись к холодной стене. Было темно, из мусорной корзины несло использованными памперсами.

Сознание сразу стало уплывать. Сквозь сон почувствовал, как Ассоль сжала мою ладонь. Я ей ответил. Снова нахлынуло чувство вины. Зачем я её втягиваю?

ИЛЬЯ ВОРОНЦОВ, МОСКВА.

Когда начало светать, удивленно огляделся. Просидел всю ночь над необычным, я бы даже сказал, сверхъестественном хобби дяди Кости, и не заметил, как пришло утро.

А ведь он никогда не был выдумщиком. Фантастику, насколько я знаю, не жаловал... Интересно, отец знает? Меня продрал озноб. Черт! Я же ему не сообщил! Неудобно вышло... Сколько сейчас? Семь...

Достав телефон, несколько секунд смотрел на пустой, черный экран. Я же его вчера выключил! И забыл.

– Привет, па... Прости, я вчера совсем замотался, тут такое дело...

– Да знаю я уже. Новости посмотрел. Лене не звонил?

Я не сразу догадался, что это он о супруге дяди Кости. Я её совсем не знал.

– Я же говорю, замотался вчера.

– Позвони, она ждет. Что-то хочет сказать.

– Я лучше заеду. Как думаешь, сейчас не рано?

– В самый раз. На похороны-то придешь, не забудешь?

– Я же извинился. Тут такое... Потом расскажу. Пока.

– Подожди! Должность-то примешь? Петрович тебя прочил...

– Да ты что? Кто мне даст? В Управлении – без году неделя, ни опыта, ни связей.

– Это даже хорошо. Костя считал, у тебя свое видение.

– Да уж... В Управлении оно только не в чести... Слушай, пап, давай об этом потом, а? Я, может, к тебе заскочу вечером. Лады?

По дороге мучительно вспоминал отчество супруги Кремлева.
Мраморный подъезд, домофон. Какая у них квартира? Всё из памяти повывлетало...
– Елена Демьяновна? Меня зовут Илья Воронцов, я заместитель...
– Заходите, Илья. Я вас жду.

После разговора с женой Кремлева всё запуталось еще больше: ни о каком хобби супруга она не знала, была уверена, что свободное время муж проводит на рыбалке за городом, или в клубе...

Импозантная такая дама. С раннего утра – при параде: прическа, туфли, деловой костюм. Упомянула правда, что собиралась заняться хлопотами...

Меня ждала по одной-единственной причине: была убеждена, что смерть Константина Петровича – несчастный случай. Оказывается, о моих вчерашних похождениях было известно буквально всем, и её специально попросили меня заверить: как жена, Елена Демьяновна ни к кому никаких претензий не имеет. Костя действительно в последнее время жаловался на сердце, и вот – не уберется...

Кто просил – сказать не пожелала. Собственно то, что её именно *попросили* мне это объяснить – понял из намеков и недомолвок. Она явно не спала: глаза запавшие, несмотря на макияж – вид бледный и утомленный. Но держится.

Что ж такое твориться? Собственная жена не хочет разобраться, как умер любимый муж? Или боится?

В глубокой задумчивости спустился по лестнице с шестого этажа, сел на лавочку и закурил. Что получается? Гибель начальника Управления ФСБ не только не вызывает должного отклика, но еще по каким-то, пока ускользающим от меня причинам, замалчивается? И никому не придет в голову, что человек на такой должности мог умереть и не своей смертью?

Включив телефон, набрал Михалыча.

– Романыч, ты где? Тут всё управление на ушах: Шеф погиб, заместитель трубки не берет...

– Извини, не до них сейчас. Там есть такая железная леди...

– А, Риточка! Пока отбивается.

– Ну и хорошо. Слушай, я по делу. Можешь узнать домашний адрес того парня? Ну, который вчера экспертное по автомобилю писал?

– Да раз плюнуть.

– Спасибо. Скинь, только сразу.

– А ты?

– А я пока домой. Приму душ, переоденусь, поем чего-нибудь...

Вырулив на проспект, перестроился в скоростной ряд. До дому – минут десять. Уже предвкушал, как залезу под горячую воду, а потом сварю пельмени, залью их кетчупом с майонезом и...

Красный. Педаль ушла в пол, но машина и не думала тормозить. Передо мной – желтый «жучок». Если я в него врежусь... Неистово сигналил, рванул руль влево, в ограждение. Удар, еще удар... Машину поволокло, перевернуло. Вцепился в руль обеими руками, ноги упер в пол, а в голове одна мысль: – «подушки не сработали»...

Глава 12

ДЖОН ТРАСК, ЛОНДОН

Пока Андрэ готовил документы, Траск решил просмотреть файл о женихе Деметры, присланный Удильщиком – не терпелось узнать, на кого променяла его эта ветреная стерва.

Антон Мавридес. Доктор медицины, служит в Государственном госпитале, в Афинах. Хирург. Тридцать два года, никогда не был женат, доход по меркам Греции – чуть выше среднего... На что она позарилась, эта дурочка? На докторскую степень? Да он, Траск, в свое время защитил научных работ на целую кучу степеней!

Этот докторишка просто задурил ей голову... Познакомились на благотворительном обеде в честь детей-инвалидов... Ну конечно, где же еще! Он, поди, с протянутой шляпой кланчил деньги – все эти высоколобые нищелюбы только и знают, что вытягивать гранты на липовые исследования... Уж он-то таких повидал!

Траск криво усмехнулся. Он тоже давал деньги на благотворительность, как без этого? Но устроил, чтобы фонды, которым перепадали немалые суммы, были его же собственностью, – через подставные фирмы, разумеется. Он владел множеством исследовательских лабораторий в разных областях науки, и сам, лично, проверял, на что именно тратятся его миллионы, добытые, чего уж скрывать, нелегким трудом...

Но ничего. Он разоблачит и этого мошенника, – а кем он еще может быть? Зарится на деньги будущего тестя, как пить дать. При скудной экономике Греции, Каталиадису, одному из немногих, удалось сохранить капиталы – благодаря тому, что основные его инвестиции находились в других странах...

Траск открыл серию фотографий, присланную Удильщиком по запросу «Антон Мавридес».

Долго всматривался в экран, стараясь подавить боль. Не дыша и до крови сжав кулаки. На теннисном корте – загорелый атлет с патрицианским профилем и золотыми кудрями. Яркие глаза, мужественный подбородок. По другую сторону сетки – Деметра. Одета в белое теннисное платье, на губах – задорная улыбка... Наконец, прерывисто вздохнув, Траск выключил ноутбук.

Сидя перед пустым, как мертвый зрачок, экраном, он попытался вспомнить: а улыбалась ли когда-нибудь Деметра ему? Или, если уж на то пошло: хоть одна женщина в мире ему так улыбалась? Разве что мама... Самая лучшая, самая благородная и бескорыстная женщина на свете. Она никогда не предаст, не отвернется от любимого сына...

Траск дотянулся до встроенного холодильника и достал огромную банку мороженого. Земляничное. Того ядовито-розового цвета, который он ненавидел в детстве. Дешевое лакомство, отдающее синтетикой – мать не могла позволить большего. Простая одежда, недорогая выпивка... Конечно, иногда она спьяну пускала в ход кулаки, если думала, что маленький Джон недостаточно хорошо себя ведет, но потом всегда просила прощения, приговаривая, что всё, абсолютно всё делается для его же блага...

Сегодня ему доступны самые дорогие и изысканные яства. Но это мороженное, своим синтетическим запахом и вкусом напоминало, кто он есть на самом деле. Этот вкус делал его злым и безжалостным – качества, необходимые тому, кто хочет оказаться на самом вершине...

– Хозяин!

Траск не отозвался. Бессилие, овладевшее им при виде великолепного Антона Маври-деса, грозило перерасти в приступ паники...

Однажды его психоаналитик рассказал о теории разделения всех людей на «принцев» и «лягушек», подразумевая, что каждая «лягушка» может превратиться в принца... Траск вцепился зубами ему в горло. И загрыз бы, не оттащи его секретарша!

Это обошлось недешево, но стоило каждого пенни. Когда его зубы сомкнулись на горле врага, а язык ощутил сладкий вкус крови, такой насыщенный, волнующий, он почувствовал себя хищником. Понял, *насколько* выше этих плебеев. Осознал, что его предназначение – править такими травоядными, как этот несчастный кролик... Как сверстники, что ненавидели его в школе. Как учителя, которые придирались на уроках, считая его маленьким глупым засранцем... Он им покажет! О! Как сильно он им всем отомстит!

– Сэр! Это срочно! – Андрэ не отставал, и пришлось вернуться к реальности.

– Хорошо, выкладывай.

– Кажется, удалось локализовать возмущения. Эвристический анализ, проведенный Игроком и подтвержденный Удильщиком, показал, что основная угроза исходит из России.

Траск на миг прикрыл глаза, прижимая к груди банку с мороженым. Окунул в него ложку, и только ощутив нёбом знакомый аромат, перевел глаза на подчиненного.

– Андрэ... Если ты не объяснишь всё прямо сейчас, я надену тебе на голову ЭТО ВЕДРО!

– Сэр... Простите, сэр... Не соблаговолите ли сказать, что именно вам не понятно? – он даже прикрылся локтем, ожидая полета банки.

Усилием воли Траск взял себя в руки. Припомнил, что Андрэ, старый добрый Андрэ, может пойти вразнос, если на него слишком сильно давить. И тогда привести его в чувство помогут только определенные действия...

– Успокойся, мой друг. Ты же знаешь, я не причиню тебе вреда! Добрый, славный Андрэ... Ну давай, выкладывай, что у тебя там?

Добавив своей улыбке приторной сладости, совсем как у мороженого, он осторожно похлопал помощника по плечу.

– Я... Не знаю точно, как это работает. Сами понимаете, алгоритм Удильщика невозможно просчитать. Но мы уже имели возможность убедиться, что он дает достаточно точные результаты в большинстве случаев... На тех объектах, ну, вы знаете...

Траск кивнул. Милый Андрэ, виртуоз в причинении боли, не способен и двух слов сказать, когда речь заходит о насилии. В давние времена, когда они оба были детьми, он, можно сказать, спас толстяка... Принес ту старую книгу, которую стащил в библиотеке. «Молот ведьм». После неё Андрэ изменился. Стал более спокойным, более собранным. Уже не прудил в штаны от малейшего испуга, не смеялся безумным смехом при виде крови...

Главное, не произносить при нем таких слов, как «боль», «смерть», «убийство», «кровь»... Чтобы не выводить из равновесия. Не допускать того, что бывает, когда Андрэ не может успокоиться...

– Ты хочешь сказать, те люди, о которых мы «позаботились» некоторое время назад... Мы тогда отыскивали не всех?

– Похоже на то, сэр. И они опять возмущают континуум – так говорит Удильщик. Один Господь ведаёт, какими данными он руководствуется, но вы помните сэр, предыдущее паде-

ние акций удалось предотвратить... «отыскав» определенных людей. Я всё проверил. Ошибка исключена.

– Ты утверждаешь, что наши нынешние неприятности – снова их происки?

– Да, сэр. Из-за этих чертовых ублюдков, если позволите так выразиться, у нас снова всё пошло кувырком. Они затеяли новую игру.

Траск заметался по салону, забыв и про мороженное, и про Андрэ. Ну конечно! Как он раньше не догадался? Все, все неприятности – дело рук этих «чертовых ублюдков»!

В первый раз, когда Удильщик выдал прогноз о том, что его акции стремительно падают, и это зависит от действий определенных людей – совершенно непричастных ни к его бизнесу, ни к биржевым котировкам вообще... Он не поверил. Да и помощник счел выкладки программы ожидаемой эвристической ошибкой. Но... На всякий случай Траск отдал секретарю приказ изучить ситуацию.

Несколько человек, проживающих в разных точках земного шара: в Индии, Китае, Казахстане, России... Как только эти люди исчезли, ситуация стабилизировалась! Акции пошли вверх, они вернули, даже с лихвой, потерянные деньги... И теперь Удильщик выдал сообщение о новой угрозе...

– Друг мой... – Траск старался говорить спокойно. – Помнишь, ты вытребовал немалую сумму для устройства лаборатории по изучению этих... феноменов? Как там дела?

Он-то решил, раз Андрэ занялся данным вопросом, то о проблеме можно забыть. Но, оказывается, не так всё замечательно...

– Андрэ?

– Деньги я давно вернул.

– И как же?

– Оказалось, один из подопытных способен выигрывать довольно крупные суммы. Старик необычайно талантлив...

– А остальные? – Траск оживился. Ему не приходило в голову, что этих людей можно использовать... Точнее, такая мысль была, но в свое время они с Андрэ пришли к выводу, что это рискованно. Слишком непредсказуемый талант.

– Закончился материал, – он слегка повернулся и бросил виноватый взгляд на хозяйина. Траск кивнул. Он прекрасно понял, что хотел сказать Андрэ. – Я совершил ошибку, сэр. Выбрал не тех людей. Понимаете, я не хотел привлекать внимания к проекту...

– Давай без подробностей! – прервал Траск. – Ты сказал, никого не осталось?

– Нет, сэр. Один есть. Тот самый старик.

– Я не о том! Ты узнал что-нибудь? Как им удастся выигрывать? Делать что-то такое, чего не могут другие?

– Это очень сложно, сэр. Есть несколько гипотез...

– К черту гипотезы! Это какие-то фокусы, я уверен. И я хочу знать, как они это делают! Набери новый материал и продолжай! Мне нужны результаты.

– Да, сэр. Я этим займусь. Использую выкладки Удильщика...

– Без подробностей, я же просил! Это твой проект, Андрэ. Раньше мне никогда не приходилось сожалеть о том, что я тебе доверяю!

–

Я сделаю всё, что от меня зависит, хозяин.

Глава 13

ИЛЬЯ ВОРОНЦОВ, МОСКВА.

– С вами всё в порядке?

В плече стреляло так, что я решил – руку к свиням оторвало. Наконец-то.

– Кажись, да. Помогите выбраться.

– Дверь заклинило, сейчас топорик принесут. Что же вы... Спите за рулем?

Когда отжали дверь, я кое-как выбрался и огляделся. Желтого жучка не наблюдалось – успел улизнуть, шустрик... А над душой стоял молодой, но уже толстомордый представитель дорожной службы.

– Кто-нибудь еще пострадал?

Достав платок, я начал отряхиваться. Подморозило, грязи на дороге и нет почти.

– Да нет, слава богу. Но ремонт вам, господин хороший, в копеечку влетит...

– Ладно, лишь бы все живы...

– Протокол будем заполнять?

Я уставился на инспектора, как на идиота.

– Разумеется! – и показал свое удостоверение. Парень взял под козырек.

– Простите, товарищ... господин полковник... Не признал.

– А тебе и не положено. Так что оформляй, честь по чести. Потом проверю.

Отвернувшись, я отжал капот, и, плюнув на пальто, полез смотреть. Всё в порядке... Колодки? Да нет, ерунда.

По спине пополз противный холодок. Может, здесь собака и порылась? Кто-то охотится на сотрудников Управления? И еще в мыслях вертелось что-то из досье Мерфи... Помнится, там тоже кто-то в столб врубился. Совпадение?

– Михалыч! Адрес нашел?

– Нашел. Левая какая-то контора, на самом деле. Типа, страховая. Они справку и выписали... Я тебе звонил.

– Прости, не услышал. Я тут в аварию попал.

Повисла пауза. Наконец Михалыч спросил:

– Цел?

– Так, ободрался немножко. До свадьбы заживет.

– Понял.

Голос у Михалыча сразу изменился. Про свадьбу – это был наш с ним код: переходим, мол, на осадное положение, потому что доверять больше некому...

Домой нельзя. Если авария – это покушение, то и дома могут ждать. Ладно... Надо узнать: каким образом отключили тормоза? С тем хмырем, что вчерашнее заключение лепил, я теперь совсем по-другому побеседую. Несчастный случай, как же... Кремлева убрали, к бабке не ходи! Значит, за мной тоже следили. Или в Управлении – крыса. Всякое бывает.

– Машину заберут на нашу штрафную стоянку, проведут экспертизу...

– Экспертизой я сам займусь.

– Но... Это против правил! Вы же сами сказали...

– Оформляй! И укажи, что пострадавший обязуется явиться по первому требованию и предоставить независимое экспертное заключение. Насколько я помню, это правилами допускается.

– Но вы же, извините, не пострадавший! Вы же сами всех давить начали!

Вот в чем дело! Со стороны, значит, выглядело, будто это я сбрендил, вырулил на встречу... Он поэтому и рапорт писать не хотел! А что? Костюм приличный, стрижка модная – штук пятьдесят с меня срубить можно, как с куста... Ничего, перебьется.

– Кто кого давил, эксперты разберутся. Так что... Если у тебя всё готово – давай подписывать и честь имею. Недосуг...

АЛЕКС МЕРФИ

– Эй, просыпайся.

– Сколько прошло времени?

– Не знаю. Часа два.

– Ого... Всё тихо?

– Как будто. Пойдем, сейчас будет наш поезд.

Я с усилием потер лицо. Помотал головой, встал – в груди сразу забулькало. Еле сдержал очередной приступ кашля.

– Боюсь, у меня не получится запрыгнуть на ходу...

– Не ссы. Я билеты купила.

– Ты что, выходила? А документы? Деньги?

– Интернет, дубина. Всё просто.

– Я тебе отдам...

– Ой, заткнись. Вот, намотай мой шарф, спрячь лицо. Погнались...

...Она взяла билеты в двухместное купе. Как только я увидел застеленный колючим одеялом матрац, не раздеваясь, рухнул лицом вниз, с облегчением расслабляясь.

– Знаешь, я тут подумала: тебе и вправду стоит улететь. Во избежание.

Так не хотелось разлеплять веки...

– И каким образом? – промычал, не открывая глаз.

– Я пошарила по друзьям. У одного моего знакомого есть приятель, у которого двоюродный брат служит в военной части, под Смоленском. Нужно туда добраться. У них – транспортные самолеты, а военную технику не досматривают. В Америку, конечно, не попадешь, но из страны вывезут. У тебя сколько-то денег есть? А то они дорого берут.

– Хватит, – было еще несколько анонимных счетов... – Долго туда ехать?

– До Смоленска – пять часов. Ну и там...

Дальше ничего не помню.

ИЛЬЯ ВОРОНЦОВ

Узнав адрес вчерашнего горе-эксперта, поймал такси. Выбрал старый потертый седан. Добрался без происшествий. Только у подъезда вспомнил, что сейчас – середина дня, он же на работе... Но вовремя сообразил, что сегодня – суббота. Выходной.

После мучительно долгого ожидания к двери всё-таки подошли. Я показал удостоверение.

– Кто... Как... Как вы меня нашли?

Очкарик протирал мягое личико, обрамленное скудной бороденкой. Были на нем растянутые треники и огромная майка. Толкнув парня в цыплячью грудь, я шагнул в квартиру, закрывая за собой дверь.

– Спокойно! Командовать парадом буду я!

После аварии на меня нашел злой, веселый кураж. Или я их, или они – меня. Третьего не дано.

– Итак, уважаемый э-э-э...

– Максим Ванадиевич...

– Максим. Сейчас вы мне подробенько расскажете, как вчера оформляли заключение о состоянии автомобиля Кремлева, Константина Петровича. Помните такого?

– Да никак не оформлял! Написал, что велели, и вся недолга! – парень сплюнул в раковину, пустил струю воды, стал плескать себе в лицо.

Я оторопело упал на табурет. Кухня была маленькая, но уютная и чистенькая. Занавесочки, фиалки на подоконнике... И тут послышался детский плач, приглушенный дверью. Мне стало не по себе.

– Простите, Максим, я как-то не подумал... – я кивнул на дверь в комнату. – Может, поговорим на улице?

– Его убили! Убили, понимаете? – он сорвался на крик, но шепотом, что было особенно страшно.

Мой кураж куда-то исчез. Твою дивизию! А ведь кто-то мог наблюдать, как я вхожу... Перед глазами потемнело. Сидя в чужой крошечной кухне, слыша плач младенца, я вдруг пришел в себя.

Кремлева убили, на меня устроили покушение. Парнишку запугали, чтобы дал липовое заключение. Возможно, так же поступили и с патологоанатомом, делавшим вскрытие и подтвердившим диагноз внезапного инфаркта, и даже с супругой...

Что теперь с парнем-то делать? Негоже его подставлять.

– Слушай, извини, что я вот так, – он дернул плечом.

– Самому тошно. Не терял он управление... – он налил себе воды из-под крана, выпил, держа тощей шеей, затем присел на табурет.

Наконец, собравшись с мыслями, я предложил:

– Рассказывай: как всё было на самом деле, кто тебя припугнул... А я разберусь. Гарантирую, тебя не тронут. Даже с работы не вылетит. Ты же понял, кто я такой?

Если я и приврал, то Господь меня простит, самую малость. Я действительно сделаю всё, чтобы парень не пострадал. Но ответы нужны прямо сейчас.

– Я-то понял. Но вы сами-то в курсе, на чей хвост наступаете? Мне-то что? Ну, дадут пару лет. А вот вам...

– Что ты имеешь в виду? – я потер ушибленное в недавней аварии колено.

– Что вам это может сильно отпрыгнуться, – губы парня подергивались.

– Ну-ка, давай с этого места поподробнее. Почему именно мне, но сначала – каким боком здесь ты!

Он помолчал, как будто прислушиваясь. Затем сказал тихо:

– Да хакер я. Хороший, между прочим. Есть за мной кое-что – так, давние делишки... Кто-то из своих сдал, вот меня на крючок и посадили. А у меня жена, мелкий... – он кивнул в сторону двери. – Я сразу сказал, что авария липовая, но они надавили. Принесли готовые бумаги, пришлось подписать.

– Хакер, говоришь... – я пока не улавливал связи.

– Автомобиль Кремлева – последней модели. Самая современная электронная начинка. «Умный софт». Кто-то захватил управление извне и бросил тачку на столб.

Я моргнул. Снова вспомнил недоброй памяти мистера Мерфи...

– Это как?

– Дырки в коде. «Уязвимость нулевого дня»... Благодаря такой «дырке» он и перехватил управление машиной.

– Извини пожалуйста, «он» – это кто?

– Ну, полагаю, какой-то хакер...

– Это что, так сейчас модно развлекаться? Любой проныра может устроить апокалипсис на Кольцевой, перепрограммировав тачки?

Мне стало страшно. Если и такое уже возможно...

– Да нет же, нет... Это только звучит легко, – он потербил бороденку. – На самом деле, никому из наших нереально такое повернуть. Нужны огромные вычислительные мощности, чтобы отыскать уязвимость. Иногда, конечно, везет – случайно натыкаешься на такую лазейку, а потом доишь... Но это бывает очень, очень редко. Я со всей ответственностью могу гарантировать: машина Кремлева – не тот случай. Там работал настоящий мастер, и не один.

– Значит, Кремлева убили... Кто? И почему тебе запретили копать?

– Кто убил – не скажу. Я ж не сыщик... А вот почему дело хотят замять – элементарно. Нашему шефу позвонили из «Тойоты» и посулили какие-то невообразимые блага... Судите сами: если станет известно, что «Тойоту» можно взломать? Это же миллиарды денег! Хакеры иногда так и делают: находят изъяны программного кода, устраивают показательную диверсию, а потом требуют с производителя мзды... Но думаю, автомобиль Кремлева – не тот случай. Не вписывается...

– Ну да, ну да... Значит, ты точно уверен насчет «Тойоты»?

– Они готовы господе богу взятку дать, лишь бы ничего не вылезло...

Я задумался.

– Вот еще что: пока я ехал к тебе, у моей тачки тормоза отказали. Машина той же марки. Их оптом на Управление закупали...

– Значит, вас тоже хотят убить.

Когда это прозвучало из чужих уст, да еще в такой обыденной обстановке, меня наконец-то проняло. Стало жарко, я полез в карман за платком. Не нашел. Вспомнил, что вытирал им руки после аварии, затем чистил пальто...

– Вот что: я сейчас пойду, и позвоню кому надо. Тебя больше не тронут. Но на всякий случай: ты мне ничего не говорил.

– Спасибо, конечно. Только я всё равно уволюсь. Противно...

Ух ты! Парнишка-то принципиальный!

– Тебе спасибо. И еще, Максим... Раз ты всё равно увольняешься... Может, на меня поработаешь? Покопаешь в этом направлении, выяснишь, что да как? Я в долгу не останусь.

– Ладно, – он выглядел так, будто я ему шоколадку предлагаю.

– Хотя нет, не надо, – я вспомнил о ребенке. – Лучше вали из города. Во избежание.

– Семейку я к матери в деревню отправлю. У мелкого – аллергия на всё подряд, ему в городе вредно.

Я внимательней оглядел хакера Максима Ванадиевича.

– Ты же понимаешь, что влезаешь в неприятности?

– Кто-то же должен? А всю жизнь с оглядкой на шантажистов жить...

– Дело твое. Хотя – уважаю, – я поднялся. – Семейку вывези, жильё смени. Есть где перекантоваться?

– Найду. И вам, уж простите, не скажу. Сам вас найду.

- Добре. Главное, рой.
- Нарою, не беспокойтесь. Меня эти уроды тоже достали.

Выйдя из подъезда, я сломал телефон, выгреб потроха и разбросал детальки по сугробам.

А потом поехал к Лильке. Отца втягивать не хотелось, а о ней, кроме Михалыча, никто не знал... Руку дергало, а Лилька умеет делать удивительный массаж...

По дороге попросил остановить возле супермаркета. Во-первых, негоже являться к любимой женщине с пустыми руками, а во-вторых, купил новый телефон. День-два попользуюсь, потом еще что-нибудь придумаю.

Вставив новую карту, набрал Михалыча, объяснил про парнишку-хакера и попросил найти кого-нибудь, чтобы присмотрели. Во избежание.

Потом позвонил отцу:

– Привет, па. Прости, сегодня – никак. Да, новый номер. Я машину разбил. Не справился с управлением. Да движется дело, движется. На всех парах... Пытаюсь разобраться. Разумеется, не оставлю.

Отец – человек аналитического ума. Он прекрасно всё поймет.

Кое-как ухватив одной рукой коробку конфет, вино и букет роз, поднялся на Лилькин этаж. Плечом позвонил в дверь. Каждый раз дух захватывает, когда её вижу... И всё думаю: что она во мне нашла?

- А я решила, что ты новую любовницу завел.
- Ага. Работа называется. У нас там...
- Да, я слышала. Соболезную. Хороший был человек?

Я удивился. Никогда она не интересовалась моими делами. И меня это полностью устраивало.

- Откуда ты узнала?
- Новости, Воронцов. Иногда я включаю телевизор.
- Ах, да. Прости. Я забыл, что бывает на свете такой волшебный ящик с картинками.
- Бедненький. Ну проходи, мой руки, я тебя кормить буду...

В Лилькиной уютной кухне, рядом с супницей, из которой пахло чем-то аппетитным, казались очень далекими и смерть Кремлева, и Лубянка с её специфической действительностью, и даже сегодняшнее покушение.

Глава 14

ДЖОН ТРАСК, ЛОНДОН

Заметив на обочине торговца горячими сосисками, он приказал остановиться. Андрэ, ничего не спрашивая, открыл дверь и поставил ногу в разношенном мокасине, с ярко-розовой подошвой, на тротуар.

Наблюдая через стекло, как секретарь, в своей обвисшей шляпе и тяжелой крылатке, грузно идет по тротуару, Траск думал, что его помощник напоминает оплывшего снеговика. Вот он приближается к продавцу и терпеливо ждет, когда его обслужат. Сосисочник прекрасно знает, чего хочет этот вежливый господин, и улыбнувшись ему, как старому приятелю, споровисто укладывает еду в бумажный пакет. Чистые детские глаза Андрэ внимательно следят за окрестностями, а пухлые руки никогда не находятся слишком далеко от кобуры с автоматическим Смит-и-Вессоном, скрытой широким плащом...

Следующая остановка перед въездом на Лондонский мост. Траск успевает доесть всё, что было в пакете: сосиску в тесте, щедро сдобренную горчицей и майонезом, жареные кольца лука, картофель – в детстве ему не были доступны эти простые удовольствия. Только овсянка – как правило, холодная и липкая, сухое печенье, пережаренный стэйк из дешевого мяса, жидкий чай...

Мать любила мыльные оперы. Ей нравилось наблюдать за перипетиями жизни вымышленных аристократов. Она копировала их речь, прически и макияж героинь, и заставляла маленького Джона вести себя так, будто он родился в роскошном дворце... Про уличную еду, хрустящую, зажаренную до румяной корочки, она всегда говорила, что это недостойно. Недостойно чего? – спрашивал сын, едва поспевая за ее размашистым шагом. – Просто недостойно. Нужно знать себе цену, знаешь ли... – он как наяву представлял ее хриплый от табака голос.

...После того, как следы пиршества были удалены, лимузин остановился. В салон неуверенно заглянул человек, терпеливо ожидавший на тротуаре, под порывами промозглого ветра и морозящим дождем. Поправляя сползающие с влажной переносицы очки, он ухватился бледными пальцами за край двери и вопросительно посмотрел на Траска. Дождавшись кивка, скользнул в салон и устроился на узеньком откидном сиденье, стараясь занимать как можно меньше места.

– Как ты думаешь, Андрэ... – начал Траск, будто не замечая пассажира. – Почему не сработала поистине грандиозная рекламная компания, которую поручили мистеру Беннету? Может, потому, что она не была столь уж... великолепной?

Траск уже забыл, что лично одобрил все мероприятия, и даже, в пароксизме щедрости, выдал премию исполнителям... Андрэ, зная манеру хозяина разговаривать с подчиненными, реагировал лишь пожатием тяжелых плеч.

– Мы действовали по вашим указаниям... – проблеял пассажир.

Если бы Беннет начал с признания вины и просьб о прощении, Траску бы это быстро наскучило, но подчиненный допустил промах, и Андрэ испугался, что теперь беседа затянется.

– Через тридцать минут мы должны быть в Хитроу... – напомнил секретарь.

Он прекрасно знал о манере босса развлекаться, и ничуть не возражал, когда не сам служил предметом насмешек и издевательств. Но сейчас действительно не было времени. Андрэ знал, какой тон нужно взять, чтобы отвлечь Траска. Экзекуция подчиненного могла затянуться

надолго, а самолет четвертый час стоит на полосе. Каждая минута обходится в огромные суммы, а расходы потом спросят с него...

– Поговори с ним ты, Андре, – Траск вял намеку и со вздохом отвернулся к окну. Помощник кивнул.

– Мистер Беннет... – начал он не оборачиваясь, уверенный, что тот ловит каждое слово. – Вы должны действовать таким образом...

Секретарь дал четкие инструкции по исправлению ситуации, сложившейся в средствах массовой информации, и связанной, как Андрэ был уверен, все с теми же непредсказуемыми личностями, что вредили осуществлению Плана. Траску о своих умозаключениях он говорить не стал: хватило истерики после новостей с фондового рынка и аварии с танкером.

Мистер Беннет выслушал указания и задал несколько толковых уточняющих вопросов. Андрэ еще раз убедился, что нанял правильного человека – с гибкой совестью, беспринципного и умеющего держать язык за зубами... Затем клерк неловко поклонился затылку Траска и выскользнул из салона под дождь, напоследок послав благодарный взгляд в спину Андрэ. Мистер Беннет прекрасно понимал, что только благодаря помощнику избежал жестокой порки.

– Почему ты не дал мне спустить пар на этом недотепе, Андрэ? – спросил Траск, как только пассажир оказался на улице.

– Я уже говорил, хозяин. Встречи в Нью-Йорке нельзя больше откладывать, да и пилоты ждут несколько часов. Скоро администрация аэропорта перестанет потакать нашим желаниям...

– Ну, так купи аэропорт, и делу конец!

Почувствовав в голосе Траска капризные нотки, Андрэ с сожалением убедился, что приступ еще не миновал. «Надо было дать ему спустить пар...» – подумал он.

– К сожалению, это невозможно, – он подбавил в голос просительных интонаций. – Акциями владеет государство. Они не хотят передавать контроль частным компаниям.

– Надо положить этому конец! – Траск нетерпеливо дернул ручку бара и вытащил пакетик чипсов. – Мы не должны мириться с этим в собственной стране! Разве я не являюсь самым богатым гражданином Англии?

– Разумеется, сэр.

На сей раз Андрэ специально сделал упор на аспекты, больше всего раздражающие Траска. Это его отрезвит и направит энергию в более продуктивное русло...

– Едем в Хитроу! В конце концов, не могут же пилоты ждать вечно... Это слишком дорого обходится! Вечно ты отвлекаешь меня по пустякам.

Андрэ повинно склонил голову, как будто не он только что уговаривал Траска взять себя в руки.

Перед самым аэропортом на телефон Андрэ поступило сообщение. Просмотрев его, он бросил несколько слов водителю и начал медленно, как танковая башня, разворачиваться к Траску. Тот сразу почуял неладное. Отбросил полупустой пакетик, и жареная картошка рассыпалась по сиденью.

– Что? Что опять случилось?

– Аэропорт закрыт, сэр. Штормовое предупреждение, приближается ураган. Все вылеты отменены.

Он ожидал новой истерики, неуправляемой эмоциональной бури под стать той, что началась за окнами лимузина. Но Траск только рассмеялся.

– Это судьба, Андрэ! Пока мы не разберемся с текущей задачей – ничего у нас не получится.

– Не думал, что вы такой суеверный, хозяин.

– Да причем здесь суеверия? Очнись, Андрэ! Нас намеренно тормозят, разве ты не видишь? Те самые люди! Ты отдал распоряжения на их счет?

– Делаю всё возможное, но это не так просто. Удильщик не справляется...

Траск его уже не слушал. Увлеченно просматривая ленту новостей в телефоне, он то и дело откусывал от огромной шоколадной плитки.

– О! Смотри-ка! В «Аннабельс» вечеринка! Деметра тоже будет – так написано в ее профиле... Вместе с женихом.

Последнее слово далось чертовски трудно. Но ничего... Он еще посмотрит, кого завтрашние газеты нарекут суженым Деметры Каталиадис!

– Едем туда! – Траск бросил шоколадку и стал поправлять прическу и галстук, глядя в откидное зеркальце.

– Может не стоит, сэр?

–

Еще чего! Я покажу им, что значит быть Джоном Траском! Нужно только подготовиться...

Глава 15

АЛЕКС МЕРФИ

Решил проснуться, пока не лопнул мочевого пузыря. Было жарко. Я так сильно мерз в последнее время, что это было даже приятно. Сел, и удивленно вытаращил глаза.

Маленькое окошко под низким потолком, из него идет раскаленный белый свет. Стены – в трещинах, похожих на черные молнии, подо мной – тонкая плетеная циновка. В руку вставлена толстая игла, от неё – прозрачная трубка к бутылке, прицепленной к гвоздю в стене. Что в бутылке – непонятно, этикетка, по-моему, на арабском. Потянулся, чтобы вытащить иглу...

– Я бы не советовал, молодой человек. У вас сильное обезвоживание.

Фигуру в углу я сначала не заметил. Серая роба, серые, будто присыпанные пылью, волосы, серые лицо и борода... Он почти сливался со стеной.

– Очень хочется в туалет.

Человек поднялся, подошел.

– Это можно. Отправление естественных потребностей – единственная привилегия, что нам с вами осталась.

Характерный семитский нос, могучая, наполовину седая, борода... Печальный взгляд библейских глаз. Он протянул мне пустую пластиковую бутылку.

– Кто вы? – брать бутылку я не спешил.

– Ой, я вас умоляю... Стесняетесь? Ну, у каждого свои причуды. Извольте: Кидальчик. Мошенник – кидала. К вашим услугам. С кем, в свою очередь, имею честь?

– Алекс Мерфи. Преподаватель английской литературы.

– Страсти какие! Ну да ладно... Можете спокойно писать. Берите!

Он помахал у меня перед носом бутылкой.

– А... По-другому... Никак?

– Ну что вы как младенец! Не Палас-Отель, как видите. Успокойтесь, я не буду смотреть... Ну, вот так-то лучше. Полегчало? Поздравляю. Потому что больше – не с чем.

Я огляделся еще раз. М-да... Похоже, Кидальчик прав. Железная дверь, ни ручки, ни замочной скважины; на единственном окне – толстая решетка... Пришло на ум полужнакомое слово: зиндан.

– Где мы?

– А вы не в курсе? Ах да, вы же были без сознания... Сильно сопротивлялись?

– Не знаю. Так где мы находимся?

– В Сирии. Это крепость ашарванов.

Я порылся в памяти. Ничего. Какие ашарваны? Когда я умудрился насолить и им тоже? Не понимаю...

– Простите. Мне это ничего не говорит.

Мой собеседник, – или сокамерник? – взмахнул руками, выражая удивление.

– Ну как же... Пророк Зороастр! Закон вселенской гармонии... – мне стало не по себе. Только сумасшедшего сейчас не хватало. – Эти милые люди имеют своей целью истребить абсолютное зло...

В голове начинало звенеть. Пот тек по лицу, по шее, по спине – как будто в бане. Сознание путалось. С трудом сфокусировал зрение на собеседнике.

– Простите. Совсем ничего не понимаю.

Я облокотился о стену. Она была горячая, как печка...

– Вы разрешите? – Кидальчик жестом показал, что хочет сесть рядом. Я вяло кивнул. – Премного благодарен.

Он устроился, подобрав ноги по-турецки, осторожно поправил трубку от моей капельницы. Пахло потом, какой-то пряной едой...

– К жаре можно привыкнуть, – сказал старик. – Просто расслабьтесь.

– Давно вы здесь?

– Три месяца я не видел ни одной живой души. Кроме тюремщиков, разумеется. Но счесть их «живыми душами» – сильно погрешить против истины.

– Это тюрьма?

– В некотором роде... – он неопределенно махнул рукой. Кисть была изящная, ухоженная, с чистыми ногтями. Проследив мой взгляд, старик пояснил.

– У них – пунктик на чистоте. Омовение – два раза в день. А бриться не дают... – и он с остервенением почесал шею под бородой.

– Со мной была девушка, – Кидальчик тяжело вздохнул.

– Девушка... Девушка – это плохо. Впрочем, я никого не видел. Красивая? Хотя... – оборвал он сам себя. – Здесь это совершенно не важно.

– Думаете, её тоже взяли в плен? – он пожал плечами.

– Могли продать...

Я ничего не понимал. Ущипнул себя за бедро, изо всех сил. Не помогло... Последнее, что помню: мы с Ассоль садимся в поезд. Она что-то говорила про военную базу... Почему вдруг – Сирия?

...не так плохо, – Кидальчик продолжал говорить. – Голодом не морят, даже гулять водят – по ночам... – он как-то нехорошо усмехнулся.

– Если вы ни с кем не разговаривали, с чего вы взяли, что это Сирия?

– Из положения звезд на небе.

Я удивился. Сколько людей умеют вычислять географическое положение по звездам? Помому, для этого нужны инструменты... Телескоп? Секстант, астролыбия?

– Зачем мы им?

– Хороший вопрос... – он снова почесал бороду. – За всё время меня несколько раз просили показывать фокусы.

– При чем здесь фокусы? – я начинал злиться.

Складывалось впечатление, что он меня разыгрывает. Или мистифицирует... Даже не знаю. Бред какой-то.

ИЛЬЯ ВОРОНЦОВ

...Явившись в Управление, застал кучу незнакомцев в мышиного цвета костюмах и с скорпионьими повадками. Может я и преувеличиваю, но – самую малость. Очень они мне не понравились. Лазают, вынюхивают... Сразу муравьи под кожей забегали.

По кабинету Кремлева расхаживал тип в погонах. Генерал-полковник... О как! Рука рефлекторно дернулась отдать честь, но я опомнился. Остановился на пороге, не зная, как дальше себя вести.

– А вот и товарищ Воронцов! – мне радушно, по-хозяйски протянули руку. – Проходите, рассказывайте, что тут у вас и как...

Его панибратский тон мне не понравился.

– Э... С кем имею честь?

– Мне говорили, что вы далеки от наших кулуаров... Генерал-полковник Кузнецов! Ваш новый шеф.

– Очень интересно... Мне об этом никто не говорил...

Я точно знаю, что на этот счет решение еще не принято. Отец обещал держать в курсе.

– Всему свое время, батенька, всему свое время! А о том, что Кремлев, Царство ему Небесное, – он напоказ, щедро перекрестился, – прочил на это место вас, юноша... Вы же должны понимать! В Управлении – всего ничего. Опыта, окромя боевого – кот наплакал... Вот, подрастете, поработаете под моим чутким руководством, так сказать... Тогда и посмотрим.

Говорил он грудным, бархатным голосом, растягивая слова, не повышая тона – прямо барин, снизошедший до разговора с челядью. Ну что ж...

– При всем уважении, гражданин Кузнецов, не вижу смысла вам потворствовать. Я не знаю вас лично, не вижу вашего разрешения находиться на объекте... – я скроил самое казенное выражение лица, какое смог. – Потрудитесь объяснить, по какому праву вы здесь распоряжаетесь?

Он меня разозлил. Налетели стервятники... Не отдам! Горло грызть буду...

Мое заявление восприняли оскорбленно:

– Я не понял: вы что, господин Воронцов, возражаете? – как Карлсон, у которого банку с вареньем отбирают. Цирк...

– Как временно исполняющий обязанности, приказываю немедленно очистить помещение до дальнейших распоряжений!

Генерал-полковник изволили побагроветь и даже начали брызгать слюной.

– Мальчишка! Как ты смеешь со мной так разговаривать!

– Очень даже смею, любезнейший э... Как вас там? Вот вы про мой боевой опыт припомнить изволили...

Я намеренно взял развязно-хамский тон. Нарывается – пусть получает. Мне действительно хотелось кого-нибудь убить. Так, чисто для разрядки...

– Но... Илья Романович... – Генерал вдруг сбавил тон и заговорил обиженным, чуть дрожащим голосом. – Вы же понимаете... Кто-то же должен, в самом деле... Не думаете же вы...

– Илья Романович, доброе утро, – вошла секретарша. – Какие на сегодня распоряжения? Я плотоядно улыбнулся.

– Рита Павловна! Э... Напомните, не поступали ли указания о вступлении в должность начальника нашего Управления некоего генерал-полковника Кузнецова?

Секретарша скользнула рыбьим взглядом по генералу.

– Никак нет, Илья Романович. Ничего такого не было.

Как она это сказала! Такой голос можно резать на кусочки, и кидать в бокалы с виски, вместо льда.

Генерал-полковник заметно сдулся. Значит, просто разведка. Пришел кабинет примерить, заодно гонору напустить, заручиться поддержкой...

Я с доброй улыбкой посмотрел ему в глаза.

– Коли так – не смею задерживать, э-э-э... товарищ Кузнецов. До особых распоряжений. Как только поступят – милости просим. Или уж мы к вам... По своей, так сказать, части. – я нагло и скабрёзно подмигнул.

Рита Павловна гостеприимно распахнула дверь наружу.

Когда генерал вышел, эта железная леди повернулась ко мне и впилась прокурорским взглядом. От вчерашней растерянности и бледности не осталось и следа. Собрана, деловита... Дядя Костя упоминал: они вместе уже лет двадцать работают...

– Вы хорошо держались, Илья Романович. Продолжайте в том же духе: желающих налетит много. Извольте соответствовать.

– Есть сэр! То есть, мэм! – я вытянулся во фронт и щелкнул каблуками.

– И не ерничайте. Вам это не к лицу. Кофе изволите? Сливки, сахару три ложечки?

– Будьте любезны.

– Сей секунд.

Я сел за стол, и обхватил голову руками. Что это сейчас был за цирк, кто-нибудь мне объяснит? Может, саму Риту и расспросить? Я так понимаю, она тут обладает недожинным авторитетом... А Михалыч её вчера «Риточкой» обозвал. Кофе был хорош. Раньше мне на работе кофе не варили... И кружка большая – не то, что эти пижонские фарфоровые чашечки на один глоток.

Занялся бумагами. Теми, что вчера всучила секретарша. Признаться, сразу не смог уловить связь между необычным хобби дяди Кости и всеми этими покушениями, но в свете новейшей истории решил покопаться. Вдруг что-то проявится? Хоть какая-нибудь зацепка, мелочь, которая поможет прояснить ситуацию.

Прошлой ночью я просматривал дела бегло, выхватывая из текста отдельные фрагменты. Сейчас решил почитать внимательнее...

И чем дольше читал, тем сильнее на моей распухшей голове шевелились волосы...

ДЕЛО № 39

Айседора Эдуардовна Пеликан.

Профессия – медиум. Используя карты Таро, может в буквальном смысле «переменить судьбу» реципиента... А дальше – длинный перечень «перемененных»:

Популярный певец. Подвизался на подпевках в каком-то ансамбле, а потом раз – и звезда первой величины... Известный политический деятель – бывший школьный учитель; директор завода – бывший токарь-фрезеровщик... И несколько случаев с, так сказать, «обратным знаком»: известная балерина стала поварихой. Ну, алкоголизм излечивала – тоже, если подумать, перемена судьбы...

Погибла, выбросившись из окна при невыясненных обстоятельствах.

ДЕЛО № 52

Зиновий Аскольдович Прощенко.

Инженер-конструктор, завод тяжелого машиностроения «Анжеромаш». Может сконструировать любой агрегат, пользуясь только лишь карандашом и бумагой. Все расчеты проводит «в уме», чертежи рисует от руки. Точность феноменальная.

Зиновий Аскольдович утром одного прекрасного дня пришел на работу, поднялся в свой кабинет, по пути здороваясь с сотрудниками, заказал крепкого чая и закрыл за собой дверь. Больше Прощенко никогда не видели. По предположениям – похищен.

ДЕЛО № 67

Матвеев Андрюша. Шести лет. Гениальный музыкант. Один раз взглянув в ноты, мог исполнять сложнейшие фуги Баха, укрощая их собственными импровизациями.

Пропадал без вести. По предположениям – похищен.

ДЕЛО № 93

Кацман Александр Наумович.

Гениальный математик. Лауреат Филдсовской премии...

Является членом пацифистской организации «Менора». Предположительно, но не доказано – агент «Масада»...

В России зарабатывал на жизнь мелким мошенничеством при игре в карты. Известен в определенных кругах, как Веня Мудрик, он же – Моня Кидальчик.

Пропал без вести.

Это было самое свежее дело, Кацман пропал около трех месяцев назад...

ДЕЛО № 84

Рашид Сулейманович Калиев.

Консультант по экономическим и политическим вопросам.

У этого дела, – единственного, – не стояла пометка «пропал» или «убит». Был даже адрес в Москве...

Я находился в глубочайшем недоумении. Зачем мне всё это? Сумасшедшие медиумы, гениальные мальчики, математики, ставшие мошенниками... Что я должен с ними делать?

Глава 16

АЛЕКС МЕРФИ, СИРИЯ.

Загремел засов, вошли двое. На лицах – маски. Один держит поднос, второй – автомат.

Первый, поставив поднос прямо на пол, подошел ко мне. Проверил иглу, затем вынул из кармана другую емкость, подсоединил к капельнице вместо первой. Я попытался заговорить по-английски, но Кидальчик больно толкнул меня в бок, многозначительно пошевелив бровями.

От подноса пахло чесноком и мясом. Я непроизвольно сглотнул, в животе забурчало. Когда я в последний раз ел?

– Не надо с ними заигрывать, – старик водрузил поднос между нами на циновку. – Они этого не любят. – он раздвинул волосы на лбу и показал подживший рубец.

Похоже, в новом лекарстве было обезболивающее. Грудь больше не пронзало и не шла кровь горлом. От одного этого я приободрился, и стал не так мрачно смотреть на жизнь.

Положительный момент: ни американцы, ни русские меня здесь не достанут. Но чутье подсказывает, что всё не так просто... Надо расспросить Кидальчика. Если он здесь уже три месяца – наверняка что-нибудь знает. Может, станет ясно, кому я понадобился на этот раз...

...Капельницу меняли, зорко следя, чтобы я не вынул иглу. Как-то раз попробовал, ночью – тут же вошли охранники, один несильно стукнул прикладом по голове, другой грубо запихал иглу в вену. Значит, за нами наблюдают круглосуточно...

Я быстро шел на поправку: ребра быстро заживали и через несколько дней меня впервые вывели во двор. Была ночь. Оглушительно свистели цикады, пахло пылью и раскаленным камнем. Дворик круглый, со всех сторон окружен покатою стеной с неровной кромкой. На стене, на фоне светлого неба, – черные фигуры часовых.

Не успел я как следует оглядеться, привыкнуть к темноте, как сзади набежал человек и молча выстрелил мне в голову пяткой. Я инстинктивно пригнулся и ударил в ответ. Даже порадовался разминке: в тесной камере было не развернуться...

На рассвете меня, полуживого, оттащили в подземелье, к горячему источнику. Во дворе осталось семь бесчувственных тел...

Через пару дней всё повторилось, только нападавших было девять. Умелые бойцы, но до тех, с которыми я дрался в Нью-Йорке или Москве, им было далеко. Я перестал справляться, когда количество противников перевалило за дюжину. От стольких не спасала даже моя хромая удача.

– Зачем это? – спрашивал я Кидальчика.

– Хотят определить пределы ваших возможностей.

– Но для чего? Гладиаторские бои?

...Это было бы проще всего... Я бывал неосторожен, и слава хорошего бойца так или иначе распространялась. В мире много азартных людей, делающих ставки на боях без правил. Меня мог продать Джафар – в отместку...

– Скажите, Алекс, а вы обладаете какими-нибудь необычными способностями?

Я насторожился.

– Не знаю, о чем вы говорите...

– Да ладно, мне вы можете сказать. Мы, так сказать, в одной лодке. – и он вытащил из кармана две игральные кости. Черные, с яркими белыми точками. Я подобрался.

При виде двух маленьких кубиков нестерпимо захотелось... Нет. Это провокация. Кидальчик может оказаться не тем, за кого себя выдает...

Как можно равнодушнее я проронил:

– Что-то настроения нет для игр...

– Да я и не прошу. Кости – не моё. Мне больше нравятся карты.

Всё это время он катал по ладони кубики. Сначала я не сообразил, в чем дело, но потом захотелось протереть глаза: вот кубики перевернулись несколько раз – на всех поверхностях были двойки. Еще один переверот – пятерки. Затем – шестерки...

– Как вы это делаете?

– А вы что – не можете? – притворно удивился старик.

– Так – нет...

Я прикусил язык.

– А как? – оживился он. Я промолчал.

– Вы думаете, я – засланный казачок, – он понимающе поджал губы.

– Вы еще и мысли читаете?

– Боже упаси! Это и так видно... Вам кажется, что я здесь, чтобы выведать ваш секрет.

– Откуда вы взяли, что у меня – секрет?

– Иначе бы вас здесь не было. Как, собственно, и меня. Я думал то же самое, так что – в расчете. Пока вас не стали мордовать почти каждую ночь...

– Вас тоже мордовали?

– У меня – другие таланты. Я же говорил.

– Как этот? – я кивнул на дайсы у него на ладони.

– Возьмите! – он подбросил их в воздух. Упали единицами. На всех гранях, что были видны. – Вам же хочется. Берите!

– Нет. Не надо...

Я отвернулся. Пот тек по бокам горячими струйками. Тошнило, кружилась голова. Несмотря на жару, меня колотило. Абстинентный синдром... Ломка, проще говоря.

ИЛЬЯ ВОРОНЦОВ

Ближе к вечеру Рита принесла факс: просьба «пробить» по нашим каналам трех человек. Только фотографии – не имен, ничего... Мельком взглянув, я остолбенел. Первым шло фото Алекса Мерфи.

Вперил безумный взгляд в секретаршу:

– Рита Павловна! Кто дал задание?

– Отдел информационных технологий. У них какая-то новая программа. Представляет, сама вычисляет потенциальных преступников и выдает их фотографии. Остается только проверить.

Что-то в свете последних событий мне перестали нравиться информационные технологии...

– Попахивает нарушением прав трудящихся, не находите? Живет себе человек, и тут какая-то железяка решает, что он может совершить преступление. Что, сразу его хватать? А как же презумпция невиновности? Конституция, наконец?

– Они сказали, это эксперимент. Программа в процессе тестирования... – секретарша пожалала плечами. – И потом, разве плохо, если преступления будут предотвращать, а не расследовать?

– Да как вы не понимаете?! Вот возьмут, и обвинят вашего мужа... Например, в краже. На основании компьютерных выкладок. Вам это понравится?

– К счастью, я не замужем.

– Вы во всех видите потенциальных преступников, да?

– Удивлена, что вы, Илья Романович, этого не делаете! При нашей-то жизни...

Я не стал спорить. Тем более, что на Мерфи у нас и так уже дело есть. Лучше самому сходить к информанщикам, пусть растолкуют по-человечески... Только завтра.

Взяв фотографии, решил-таки съездить к отцу. Вызвал Михалыча – пусть отвезет на своем драндулете. Он – человек старой закалки, не признает этих новомодных ЖПС – передатчиков и всяческой электроники. Ездит на Черокезе девяносто восьмого года с механической коробкой передач.

Надо бы и мне нечто подобное... А то на такси – всякий раз подставы бояться...

Когда выехали, уже темнело. Конец декабря – самые короткие дни. Новый год скоро... О праздниках думать не хотелось.

– Слышь, Романыч, хвост за нами.

Мы медленно двигались в сторону Кольцевой – не пробка, а так, – очередь. Я даже начал клевать носом, Михалыч меня разбудил.

– Уверен?

– Зуб даю. Черный Гелленд видишь? Я его давно заметил, сейчас на таких катафалках уж и не ездят почти. К тому же, лох... Идет, как приклеенный. Когда две, когда три машины пропускает, на дольше не отстает. Я ребятам позвоню?

– Звони...

Тоскливо уставившись в окно, я пытался разобраться в происходящем. Могут это быть субчики генерала Кузнецова? Могут... Но зачем? Подстроить очередную аварию? А кто сказал, что в первой виноват именно он? Твою дивизию! Со всеми этими загадками совсем забыл про хакера.

– Михалыч, как там наш Максимка?

– Ребята отзвонились: нормально всё. Жену с дитем на поезд пристроили, со скарбом помогли, а затем отпустили его чуток, чтоб не пугать, и проследили... На Череповецкой он.

– Вы что, сами ему помогли?

Я вспомнил, что парень не хотел говорить, куда отправит жену, где поселится сам...

– А ребята службой быта прикинулись. Машину подогнали, отвезли, проводили...

– Ты-то с ребятами как связываешься?

– Старые армейские рации приспособили. Шифрованная частота.

– Хитро!

– Фирма веников не вяжет.

Выехали на Кольцевую. Михалыч сосредоточился на дороге. Минут через десять пискнула рация, он перестроился в скоростной ряд и дал газу. Я посмотрел назад.

Давешний Геллендваген отжали к обочине две неприметные тачки, третья перекрыла мне обзор. Михалыч закурил, приоткрыв окошко:

– Через час будем знать: кто, откуда-куда-зачем...

– А о моей Тойоте что-то узнать удалось?

– Прокопъич говорит – ничего нет. То ись, хрен поймешь, почему тебя ухнуло...

Возможно, прав Максимка. Покушение через Интернет – новое слово в преступлениях...

Глава 17

ДЖОН ТРАСК, ЛОНДОН

Почувствовав знакомый аромат, проснулся. Рядом с кроватью, на стеклянном столике, стоял серебряный поднос. Кофе, сливки, сахар в хрустальной вазочке.

«Старый добрый Андрэ»... – подумал Траск. Никому больше не удавалось сварить настолько густой, насыщенный напиток. Всё дело в терпении: только Андрэ мог в течении пятнадцати минут, не отрываясь, следить за кофейной пеной, регулируя температуру горелки. У него кофе не сбегал никогда...

Траск огляделся. Как он оказался дома, в своем номере? Почему не помнит предыдущего вечера?

– Андрэ! – эхо одиноко заметалось среди сверкающих панелей и полированных поверхностей.

Значит, помощник ушел. Знал, чем грозит пробуждение с похмелья... Приготовил завтрак и сбежал к своим кошкам.

Сев в кровати, Траск подложил под спину пару подушек, и потянулся за кофейником. Держа в одной руке чашку, другой открыл планшет...

Сегодняшние новости начинались с репортажа о вчерашней вечеринке, организованной его злейшим другом и завистником Стиви Броквичем, владельцем телекомпании. Той самой, где он давал интервью...

Траск вспомнил фальшивое сочувствие Стива, его притворные заверения наказать пройдоху-журналиста, столь неподобающе обошедшегося с его лучшим другом... Бессильную ненависть, что он в тот момент испытывал к телемагнату, можно было сравнить разве что с извержением Везувия.

Увидев следующую новость, Траск дернулся, как от удара током и пролил раскаленный кофе на шелковую пижаму. Не чувствуя ожога, впился взглядом в экран. Деметра! Девушка так и не пришла на вечеринку, хотя он и прождал ее весь вечер, бездумно слоняясь по зимнему саду, устроенному на крыше, под стеклянным куполом.

Бродя среди хищный мухоловок и тигровых орхидей, задыхаясь от душной влажности, он был готов визжать от злости, но вместо этого улыбался, флиртовал со светскими размалеванными куклами и отвечал на идиотские вопросы разных болванов. В конце концов, потеряв всякое терпение, он напился до беспамятства в компании Стива и нескольких его подружек – моделей...

Он перечитал заметку еще раз: Каталиадис-старший, находясь в своем имении на Родосе, объявил о скорой свадьбе дочери! Траск вскочил, и заметался в ярости по спальне. Какое коварство! Какое унижение! Пока он ждал ее на дурацкой вечеринке, Деметра находилась на другом конце света, в компании негодяя Мавридеса!

Эта вертихвостка предпочла ему, одному из величайших людей двадцать первого века, нищего как церковная мышь, докторишку, все достоинство которого заключается в высоком росте и аполлоновском телосложении! О женщины! Вам имя «Вероломство»...

Ломаной походкой Траск приблизился к огромному зеркалу – нескладная подростковая фигура в просторной пижаме, шея торчит из широкого воротника и кажется еще тоньше... И этот дурацкий хохолок на затылке!

Он попытался улыбнуться своему отражению уверенно и покровительственно, но перед глазами встал образ Мавридеса – загорелого, мускулистого... Оскалившись, Траск запустил в зеркало чашкой, вызвав лавину сверкающих острых осколков, перемазанных черной кофейной жижей.

Она пожалеет! Сучка пожалеет об унижении, которого он совсем не заслужил! Такая великая честь – стать родоначальницей новой правящей династии... И это – несмотря на не совсем безупречный генофонд! Она отвергла его – как те безмозглые шлюхи, что смеялись над ним в колледже...

Сколько он впоследствии планомерно и целенаправленно, не оставляя ни единого шанса, низвел до уровня нищих, выпрашивающих подачки в благотворительных столовках, открытых на его, Траска, деньги? Да всех! Всех до единого, кто издевался над ним! Он уничтожил их всех! Даже ненавистный кампус, стены которого видели его страдания, не избежал пожара, спалившего весь учебный городок...

Он докажет, что Мавридесу нужны только деньги и статус. Когда он пустит по миру папочку, ни один приличный дом не откроет дверей перед семьей Каталиадис. Когда докторишка бросит Деметру, наплевав на обязательства – так же, как поступила эта стерва с ним... Тогда она поймет, чего лишилась.

Он, конечно же, к этому времени найдет себе другую страсть... Не такую независимую и самостоятельную. Может, не столь ошеломляюще красивую, но... Он ведь владеет несколькими корпорациями, занимающимися биотехнологиями, так? В двадцать первом веке доступна любая внешность! Кроме увеличения роста на двадцать пять сантиметров – нервно дергая щекой, напомнил он себе. Но ничего... Этот день тоже не за горами. Он построит себе новое тело – совершенное, нестареющее...

А пока... Траск, на ходу завязывая галстук, вызвал машину. Ему всегда лучше думалось во время движения. Оставаясь в безопасности своего бронированного лимузина, он мог беспрепятственно наблюдать жизнь за окном. И этот несовершенный, нуждающийся в чутком управлении мир в самом ближайшем времени будет принадлежать ему безраздельно, без условий и оговорок!

Он, и только он станет властелином судеб миллиардов, их единственной надеждой и опорой. Когда взгляды всех без исключения землян обратятся к нему, моля о защите и покровительстве...

Некоторое время ушло на то, чтобы разобраться с данными, поступающими от Удильщика и других. Несколько дней Траск работал, в буквальном смысле, не разгибая спины, как в те времена, когда еще не мог нанять помощников. Времена изменились, но до сих пор возникали задачи, которые никто не мог решить лучше, чем он.

Игрок, Удильщик, Политик и другие за последние годы показали себя превосходно, собирая, сортируя и направляя поток данных во Всемирной Паутине так, как того хотелось ему, Траску. Они сталкивали между собой правительства, развязывали локальные войны, проводили террористические акции – словом, готовили необходимость, неизбежность создания нового порядка...

Много внимания уделялось формированию общественного мнения – социальные сети для этого подходили идеально. Траск сам изобрел первые из них, а остальные плодились и множились самостоятельно, только лишь увеличивая рычаги мягкого, ненавязчивого давления на население.

Прекрасные результаты дали программы по нивелированию ценности семейной ячейки, как социальной единицы общества, пропаганда однополых браков, насильно насаждаемая инфантилизация мужской части «золотого миллиарда» – Траску мешало пассионарное, переполненное тестостероном большинство, гораздо проще управлять мальчиками, так и не выросшими из коротких штанишек...

Интернет с его разнообразием предоставлял иллюзию свободы выбора, когда на самом деле, неосознанно, людская масса стремится к единообразию и пассивности. Инстинкт толпы, чувство локтя, защитный рефлекс...

Поработав с Удильщиком, Игроком и Политиком по отдельности, Траск наконец-то решил объединить их в единое целое, чтобы подготовить решающий шаг. Он знал, он чувствовал, что готов. В мире конгломератов данных, ассоциативных связей и модульных языков он чувствовал себя уверенно и свободно.

Отодвинув на задний план, перепоручив Андрэ и остальным другие дела, он погрузился в работу по созданию СПРУТа...

Ему нравился идейный смысл, вкладываемый в это название. Его новое детище протянет щупальца по всему миру, найдет лазейку в каждую защищенную систему, захватит управление спутниками и ядерными ракетами...

Начало безграничного могущества он заложит сейчас, запустив СПРУТ в Интернет. Никто не будет о нем знать, даже подозревать о его существовании! В то время как контроль над всеми, абсолютно всеми жизненно важными системами на планете наконец-то перейдет в его руки...

Глава 18

ИЛЬЯ ВОРОНЦОВ, МОСКВА.

Отец обрадовался. Облапил Михалычеву медвежью спину, затем потащил нас на кухню. В духовке что-то шкворчало, распространяя запахи. Я чуть в обморок не упал, честное слово! Вспомнил, что кроме кофе сегодня ничего не ел...

У отца всё было, как в армии: кухонная утварь выстроена по ранжиру, стулья – ровно, как на параде, посуда – геометрически точно по углам стола. Оживляла обстановку небольшая искусственная елочка с крошечными игрушками, притулившаяся на подоконнике.

– Фирменное мясо по-казацки! Да вы нас балуете, Роман Платонович. – отец польщенно усмехнулся.

После ужина Михалыч пошел смотреть телевизор, а мы устроились у камина. Отец – в своем любимом кресле-качалке, накрыв колени пледом, я – на полу, на толстом ковре... Откуда ни возьмись, появилась Анфиска и вспрыгнула к отцу. Он погладил её по пестрой спинке, кошка замурчала.

К горлу подкатил ком. Прямо до слез: березовые поленья негромко потрескивают, распространяя вкусный, знакомый с детства аромат, а за окном – снег... Это от усталости. Не спал толком вот уже несколько суток, всё время на ногах, да еще кудеса эти... Скорее бы всё закончилось. Тогда можно будет написать рапорт, сдать дела и махнуть с Лилькой на Байкал...

Я протянул отцу фотографии. Рассеянно перебирая снимки, он мельком глянул на Мерфи, отложил, и впился глазами в фото азиата.

– Это тебе Константин дал? – спросил он, сдвинув очки на лоб.

– Нет. Наши информанционщики. У них новая программа: вычисляет потенциальных преступников. Хотел, кстати, с тобой обсудить правомерность...

– Очень интересно, – перебил отец. – Значит, Рашида в преступники записали... Программа, говоришь?

Я насторожился. Это имя мне уже попадалось.

– Ты его знаешь?

– Рашид Калиев. Консультант по инвестициям. Меня с ним Костя познакомил, несколько лет назад.

Я чуть не подскочил. Это имя было в папках!

– Вы во что-то инвестировали? – я постарался не выказать заинтересованности.

– Да нет, это так... Легенда. На самом деле, Рашид – самый удивительный человек, из тех, что мне доводилось встречать. Своего рода, гений.

Что-то часто мне в последнее время всякие гении попадаются.

– И что в нем особенного?

Я вспомнил, что в деле Рашида Калиева ничего такого не было. Только то, что он – консультант. Чертовщина какая-то, ей Богу.

– Во многое я тебя посвятить не могу... – отец снова напялил очки. – Однако скажу: никакой Рашид не преступник. Он помогал нам с Константином. Точнее, не так: это мы помогали господину Калиеву в его поисках.

Я присвистнул.

– Во что вы с дядей Костей ввязались?

– Да как тебе сказать... – он пожал плечами, задумчиво пошуровал кочергой в камине, поправляя дрова.

– Ну ладно, дядя Костя... Ты-то к ним каким боком?

– Да каким... – он снова пожал плечами, стараясь казаться равнодушным. – Скучно на пенсии.

Даже если ему что-то известно – сейчас не скажет. Он всегда так. Мать вот не выдержала: вечные тайны, недомолвки, секреты... Я вздохнул.

– Так что мне делать с этим Рашидом? Искать?

– Разумеется!

Я помолчал, а затем решил:

– Пап... ты веришь, что дяде Косте стало плохо за рулем?

Он несколько минут смотрел в огонь, поглаживая кошку, затем задумчиво произнес:

– В нашем возрасте чего только не бывает...

– Ну знаешь! – я вскочил. – За дурачка меня держите? Развели конспирацию...

Я надеялся, что хоть сейчас отец будет откровенен. И, признаться, его нежелание хоть как-то мне помочь, просто выбило из колеи.

– А вот и разберись! – встать он не стал, но так зыркнул из-под бровей, что всякое желание воевать пропало. – Привык, понимаешь, на всем готовом. Теперь сам попробуй, каково оно.

– Извини. Я... не хотел. Просто... Никто ведь не верит, даже жена дяди Костина. У меня сложилось впечатление, что ей заплатили...

– А хоть бы и так, – он равнодушно пожал плечами. – Для тебя это что-то меняет?

– Да нет, конечно...

– Ну, вот и ладно! – отец поднялся, всё так же с кошкой на руках. – Езжайте. А то дорогу совсем заметет.

Взяв снимки, я сделал последнюю попытку:

– А этих ты никогда не видел?

Он пожевал губами, задержался взглядом на фото старика. Посмотрел на меня, снова на фото... Отец вел себя так, будто нас подслушивают – возникла такая мысль. Недоговаривает... Да что там! Просто отделяется общими местами...

– Разбейся. Вода камень точит. – и всучил мне бумаги.

Он и в детстве моем так говорил. Приучал к самостоятельности.

На улице я всей грудью вдохнул свежий, морозный воздух, в голове прояснилось. Завидую отцу. Где-то... Живет себе на природе: тишина, покой... Всё, разберусь со смертью дяди Кости, и – на Байкал.

Отец вышел нас проводить. Я подумал, может, он на воздухе станет более откровенным.

– Кунсткамера какая-то... Они исчезают из-за своих талантов, правильно? Кому мог понадобился мальчик, играющий Баха? Или тетка-гадалка? Ладно еще, я могу понять похищение инженера-конструктора... И все пропали или убиты при загадочных обстоятельствах! Мерфи, например, – я потыкал пальцем в фотографию, – тоже как в воду канул. Всю Москву на уши поставили – впустую...

– Если б в этих делах не было рационального зерна, Константин ими бы не занимался. – тон у него был извиняющийся. Словно отец сожалел, что это – всё, что он может сказать.

– Я пока ничего не понимаю.

– Это не страшно.

– Если разобраться: ну кому он нужен? Старый служака. Преданный, как пес... – я вновь стал рассуждать вслух.

– Может, как раз поэтому?

– Может. Не захотел отойти в сторону, отвернуться... Только уж больно мудрено. Атака на автомобиль. Причем такая, где не обошлось без суперкомпьютера. Кто может себе такое позволить? Какой-нибудь «Гугл»? Другая корпорация? Ну зачем какой-то корпорации дядя Костя? Может, разгадка где-то здесь? – я вновь помахал перед лицом отца фотографиями. – В остальном-то он был чист, аки ангел небесный...

– Работай, сынок, – отец похлопал меня по плечу. – Только аккуратно. Ваня за тобой присмотрит. – Михалыч важно кивнул.

С одной стороны – рой носом землю, с другой – будь осторожней... Я оскалился.

– Не доверяешь?

– Ну знаешь... – отец отвернулся. – Костя тоже был не пальцем деланный. Кадровый офицер!

– Да понял я, понял.

– Матери позвони. Волновалась.

– Есть, товарищ генерал.

– И в отставку подавать не вздумай. Зря, что ли, Константин тебя целый год натаскивал? – он как будто мысли мои прочел...

– А кого в шефья назначат, не слышал?

– Кузнецова в расчет не бери. Он – пешка. Крикун и фанфарон – никто его начальником Управления не сделает, не совсем же дураки.

Когда выехали от отца, за нами пристроились тусклые фары. Что, опять?

– Да это наши. – Михалыч мигнул аварийкой, нам мигнули в ответ.

Вот так теперь и придется: под охраной, на осадном положении... Чертовски неудобно.

– Михалыч, спрашиваю, как сыщик сыщика: ты преступления расследовать умеешь?

Тот сделал глубокомысленное лицо, попытался, и выдал:

– Ну, спервоначалу нужно определить мотив. Затем – заинтересованных лиц: кому это выгодно? Потом окажется, что убийца – совсем не тот, на кого все думали...

– Это ты из сериалов почерпнул?

– Гарднера почитываю. И этот еще... «Мальтийский сокол»... Дешиэл Хеммет! Ниро Вульф, опять же... Там всегда говорят: найди того, кому выгодна смерть жертвы.

Я потер лицо. После еды спать хотелось невероятно, я был готов отрубиться прямо в машине. А еще говорят, с недосыпу человеческий разум приобретает кристальную ясность... Наверное, это не мой случай.

– Мою квартиру проверили?

– А то! Забыл сказать: там небольшая бомбочка была, детонирует, когда ключ в замок вставляешь.

– Ни хрена себе забыл! А если б я заявился?

– Дак ты ж со мной... Я хазу присмотрел. Перекантуемся...

– А твоя?

– В Симферополь отправил. К сеструхе, Новый год отмечать.

– Скандал был?

– Не то слово...

Михалыч невесело улыбнулся. Я знал, что его жена не одобряла мужниной работы. Мечтала, чтоб он вышел на пенсию и переселился на дачу. Огород, рыбалка, шашлыки...

Дочка выросла, замуж недавно пристроил, так что и Машу понять можно. Одиноко, муж скачет неизвестно где, еще и рискует, старый дурак...

– Слушай... – я знал, что он обидится, но не мог не сказать. – Ты не думал уйти в отставку? – искоса посмотрел на напарника. Михалыч только пожал плечами.

– Думал, конечно... Как не думать? Да и Машка всю печень выстригла...

– Ну и что?

– Дак поэтому и не уйду нипочем. Ты еще молодой, Романыч, не понимаешь. Дома засесть – это всё. Капец. Что мне там делать? Вязать учиться? Только и останется, что запить. Или помереть...

Я вспомнил, как мучился сам.

– Отец вон сидит, и в ус не дует...

Михалыч заржал, как конь. Я удивился.

– Знаешь что-то, чего не знаю я?

– Дак всё управление знает... Один ты не в курсе, занятой наш.

– Чего?

– На место Петровича твоего батю зовут.

Я молча обтекал. Так вот почему он не захотел говорить! Думал, я копытом бить начну. А действительно... В какие это ворота? Шеф-папаня, зам – сынок. Хотя... Можно и в смежную структуру перейти, и при делах остаться...

– Так что, на хату? – прервал мои размышления Михалыч. – Спать охота – сил нет.

– Только сначала в Управление. Папки заберу.

– Дак там же заперто всё... Что им сделается до утра?

– Во избежание.

АЛЕКС МЕРФИ, СИРИЯ.

...Когда я завел разговор о побеге, старик горько рассмеялся.

– Это пустыня, молодой человек. Припасы доставляют раз в неделю, на вертолете. Он всегда приземляется за стеной и никогда не задерживается дольше, чем на полчаса. К тому же, крепость – на скале. Как Аламут. Отсюда не убежишь...

– А кроме нас есть еще пленники?

– Были... Но сейчас, насколько могу предположить, никого.

– И... Куда они делись? – он посмотрел на меня, как на ребенка.

...Обычному человеку сбежать из крошечной крепости посреди пустыни – не реально. Но я – другое дело. С дайсами я смогу любое обстоятельство повернуть себе на пользу...

На следующую ночь, как только меня вывели во двор и оставили одного, я решил посмотреть, что находится там, снаружи. Может, всё не так безнадежно, как говорит Кидальчик. Ну что он видел, кроме неба?

Взбежав махом на стену по узкой, крошащейся лестнице, я задохнулся. Ночь была светлая, горизонт угадывался как зыбкая, колеблющаяся полоска. Всё остальное тонуло во тьме. Ничего. Ни одного огонька...

Набежали охранники, и грубо столкнули меня внутрь двора.

В следующие несколько ночей гоняли по «полосе препятствий» – иначе и не назовешь. Лабиринт: темно, под ногами – песок. Иногда попадаются камни – несколько раз больно ушиб пальцы. Из стен то и дело вылетают струи огня, копья, металлические шипастые сети, ножи... Как профессор археологии Индиана Джонс.

Я прыгаю, пригибаюсь, перекатываюсь, уклоняюсь... Но так ничего и не понимаю. С каждой ночью время прохождения уменьшается, но препятствий становится больше. Не уверен, что благополучно доживу до конца этих гонок. Но расслабляться не стоит. Во всяком случае, продержусь, сколько смогу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.